

Генри Лайон Олди
Дитя Ойкумены
Серия «Ойкумена»
Серия «Urbi et Orbi, или Городу и Миру», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=333562

Аннотация

Регина ван Фрассен – о подарок судьбы! – родилась телепатом. В шесть лет ребенок впервые узнал сладость власти – и горечь запретов. В двенадцать она познакомилась с террором и насилием. В шестнадцать – с соперничеством и ложью. Да, космический мир Ойкумены дорожит своими менталами, как отчаянной редкостью, но и силовое поле не оградит тебя от холодных ветров реальности. Танцуй на холмах, дитя с флейтой! Детство закончилось, и надо идти дальше – в юность, полную очередных сюрпризов.

Новый роман Г.Л.Олди вновь открывает нам галактические просторы Ойкумены, уже известные читателю по приключениям Лючано Борготты, директора театра «Вертеп».

[Видео о романе «Urbi et Orbi, или Городу и Миру»](#)

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
Глава первая	9
I	9
II	10
III	12
IV	14
V	16
VI	18
VII	19
VIII	21
Глава вторая	24
I	24
II	26
III	27
IV	30
V	32
VI	33
Глава третья	38
I	38
II	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Генри Лайон Олди Дитя Ойкумены

Обыватель завидует нам, телепатам. Втайне он мечтает: вот мне бы!.. Сохнет от горя: почему не я? Строит планы: уж я бы!.. С той же страстью, заслуживающей лучшего применения, обыватель завидует миллиардерам, чей капитал достался им по наследству, без всяких усилий. Иногда кажется, что предел мечтаний большинства – замочная скважина, в которую они станут подглядывать без разрешения, пуская слюни. Там, в замочной скважине – десятки способов разбогатеть, сотни возможностей прославиться, тысячи шансов отомстить. Бедные дети! – глупые, жадные, любимые...

Ваша зависть взаимна.

Тераучи Оэ, «Шорох в листве»

Пролог

Рыбки, подумала Анна-Мария.

Семихвосты-радужники с Ютаса-IV. Бахромчатые сомики. Павлинцы с мордами изумленных дурачков. Оранжево-белые паяцы, похожие на детские варежки, резвились меж щупальцами фиолетовых актиний. Мимо них с величайшей осторожностью проплывали рыбы-стилеты – извивы трехгранных тел, дрожь «зазубрин». У самого дна висели челюсти-змееглавцы, темные, как музейный грош – и сонные, как студент на утренней лекции. Их яркие гребни топорщились венцом.

Цепочки пузырьков. Колыханье водорослей, блеск ракушек...

Герцог Раухенбаум, заведующий кафедрой ценольбологии, отличался своеобразным, чтобы не сказать – экстравагантным вкусом. Когда герцог пойдет на повышение, думала Анна-Мария, и кафедра достанется мне, я всё переделаю. В первую очередь – аквариум. В моем кабинете всё будет иначе.

– Плющ! – не повышая голоса, велела она.

На окне дрогнули густые плети. Сверкнув желтой окантовкой, шевельнулись звездчатые листья. Угол наклона каждого листа изменился, соответствуя режиму ожидания. В просветы заглянуло солнце. Еще полчаса, максимум – час, и оно скроется за буковой рощей.

– Открыть окно!

Плющ расплзся в разные стороны, освобождая пространство. Стекло раскололось посередине – и створки ушли в стену. Еще одна прихоть Раухенбаума. Когда кабинет отойдет в наследство Анне-Марии, плющ будет просто исчезать. Без раздражающего копошения. Если, конечно, Анна-Мария оставит плющ. Дикий виноград куда симпатичней. Осенью на нем повисают лоснящиеся, иссиня-черные грозди...

Она покормила рыбок. Необязательный, но успокаивающий процесс. Пситеры рекомендуют: антистресс и всё такое. «Кормить с руки – труд невелик, но в нем находишь сердцевину тех превращений, что царят в душе безмолвно и смущенно...» Когда-то ей пришлось заучить монолог Принца наизусть. Трагедия «Черный замок»; глупая, сентиментальная девчонка.

Смейтесь, кому смешно.

За окном дремал университет. Учебные корпуса – пряничные домики в море зелени. Общежития, пустые в это время года. Над рекой – дома преподавателей. Студенты разлетелись на каникулы. Лекторы в отпусках. Те немногие, кто подобно Анне-Марии еще возился

с заочниками, вечера проводили с семьей, а не в кабинетах. Чудаки, задерживающиеся после рабочего дня, были наперечет. К примеру, граф Якоби – форономик галактического масштаба, автор «Реперной триджизации кварков», молодящийся щеголь. Он курил в лаборатории напротив, на балконе третьего этажа, с таким видом, словно заседал в Королевском совете Ларгитаса.

В ответ мыслям Анны-Марии граф приосанился и подкрутил усы. Прошлой зимой Якоби решил приударить за коллегой, и стоило большого труда остаться друзьями. Почему ты до сих пор не замужем, спрашивает мама. Что ей ответить? Свобода? Наука? Карьера?

«Пора домой. Надо вызвать роботикшу...»

По странной ассоциации с мамой, Анна-Мария вспомнила свою первую лекцию. Она вышла на кафедру, оглядела притихшую аудиторию – тех, кто сидел в зале, и тех, чьи лица выстроились в ряд на гиперактивной панели... Введение в курс. Заученные, единственно верные слова вдруг показались чужими. Их предстояло сотворить заново.

– Как вам известно, наука делится на две империи: космологию и ноологию. Ноология, как духовная дисциплина, в свою очередь делится на два королевства: философско-ноотехнические науки и общественные науки...

Ей быстро удалось собрать внимание.

– ...подответвление этногенетических наук включает в себя две науки 1-го порядка: номологию, то есть правоведение, и политику. Политику составляют две науки 2-го порядка: теория власти и ценольбология, иначе наука об общественном счастье. Граф Раухенбаум будет читать вам сравнительную ценольбологию, чей предмет – изучение условий, способствующих счастью общества и индивидов. Я же возьму на себя курс фундаментальной ценольбогении – изучение причин, рождающих эти условия...

Великий Космос, как летит время! Другие выходят к первокурсникам со словами: «Наука делится на две империи...» Диссертация, титул, повышение; монографии, методические работы. Статьи в академических журналах. Признание коллег. Уважение герцога, скупого на похвалу. Дни, месяцы, годы. Мечта о часе, когда Анна-Мария сменит аквариум в кабинете – и плющ уступит место винограду.

Ей ли не знать причины, рождающие условия для счастья?

Внешний датчик наблюдения сыграл мелодию из «Вернись, Адель». Челеста, бас, флейта. Кто-то приближался к кабинету. Уборщица, ясное дело. Катит впереди себя дез-комбайн, меняя на ходу настройки...

– Прошу прощения. Это кафедра ценольбологии?

В дверях стоял молодой офицер. Белый китель, золото погон. Шнуры с серебряными наконечниками. Кортик с витой рукоятью. На кокарде – атакующий сокол. Капитан-лейтенант ВКС Ларгитаса, сделала вывод Анна-Мария. Ее дядей по отцу был контр-адмирал Рейнеке, старый холостяк, души не чаявший в племяннице. Знаки различия она выучила раньше азбуки.

– Да. Вы кого-то ищете?

Капитан смотрел на Анну-Марию так, как в жизни не бывает, и быть не может. Даже вспотел, бедняга. В смятении сдвинул фуражку на затылок. Лихой, мальчишеский чуб выбился наружу, заполоскался на сквозняке. Знамя покорности – сдаюсь на милость...

– Я? Ищу, конечно...

«Нашел, – читалось на простоватом лице. – Уже нашел.»

– Беата ван Фрассен... хотел спросить...

– Ван Фрассен? У нас такая не преподает. Я бы знала.

– Заочница... я сегодня прилетел на Ларгитас, в отпуск...

– Ваша невеста?

– Сестра. Я надеялся узнать, где она поселилась.

- Свяжитесь с сестрой по коммуникатору.
- Не отвечает. Скорее всего, занимается. Не хочет, чтоб отвлекали.

«Или уединилась с любовником,» – подумала Анна-Мария. Она неплохо представляла нравы заочников, снимавших напряжение от сессии.

- Вы тоже заочница? Аспирант?
- В обоих случаях – нет.
- Кавалерственная дама?
- Вы льстец, капитан. Я уж и забыла, когда была кавалер-дамой...
- Только не говорите мне, что вы декан факультета! Я всё равно не поверю.
- Не скажу. Я – графиня Рейнеке. Заместитель заведующего кафедрой.

– Графиня? – капитан усмехнулся. У него была славная, открытая улыбка. – В ваши годы? В таком случае я адмирал. Знаете, я поначалу нервничал. Беата жаловалась, что здешние мэтры – звери. С клыками и когтями. Вот, думаю, явлюсь на кафедру, не понравлюсь... Потом кто-нибудь Беату на зачете – раз, и в пепел. Это хорошо, что я встретил вас. Вы шутите, значит, всё в порядке.

Он младше меня лет на десять, прикинула Анна-Мария. Когда возбужден, делается болтлив. Ладная фигура. Слово из дешевых логосериалов – ладная. Но в данном случае – очень точно. Жаль, рост маловат.

- По-вашему, я не гожусь в графини?
- Отлично годитесь. Лет через двадцать.
- Это комплимент?
- Это констатация факта.

Оправившись от первого потрясения, капитан на глазах превращался в записного сердцееда. Надо сказать, без особого успеха. Сердцееды не краснеют. И уж точно нет у сердцеедов таких милых, таких детских ямочек на щеках.

– Уже легче. Сперва я решила, что это – мнение о моих профессиональных способностях. Хорошенькую карьеру вы мне напророчили...

- Я...
- Не смущайтесь. Обождите, я сейчас узнаю. Запрос!

Голосфера на столе мигнула россыпью огоньков.

- Беата ван Фрассен, место регистрации?

Акуст-линза прокашлялась басом. Все-таки герцог Раухенбаум был большим оригиналом. При Анне-Марии линза приобретет дивное сопрано. И навсегда забудет про кашель. Это уже решено.

- Второе общежитие, – доложила информателла. – Комната семь, первый этаж.
- Видите, как просто? Спешите к сестре, капитан.

Он не уходил.

- Ценольбология? Что вы преподаете, моя графиня?

– Общественное и индивидуальное счастье, – Анна-Мария вновь почувствовала себя на первой лекции. Если честно, приятное ощущение. – Его условия и причинно-следственные связи. Вот вы, капитан... Что вам нужно для счастья?

- Чтобы вы согласились поужинать со мной, – без запинки отбарабанил он.
- Хорошо.

- Вы согласны?

– Нет. Хорошо в том смысле, что примем ваш ответ за основу. Это условие вашего сиюминутного счастья. Довольно глупое условие, замечу.

- Уж какое есть, – обиделся капитан.
- Что за причина породила это условие?
- Вы мне нравитесь, графиня.

– Охотно верю. Мой дядя утверждал, что его офицерам в первый день отпуска нравятся все женщины, включая статую Отчаяния на Картском мемориале.

– Ваш дядя?

– Контр-адмирал Рейнеке.

При упоминании контр-адмирала он содрогнулся. Слава бежала далеко впереди Рейнеке Кровопийцы. Говорили даже, что на завтрак контр-адмирал ест жилистых штабс-овер-боцманов, вымачивая их в боцманских слезах. Анна-Мария знала, что это ложь. Дядя предпочитал капитан-лейтенантов.

Таких, как этот красавчик.

– Вернемся к вашему счастью, капитан. Причина – я вам нравлюсь. Условие достижения – мое согласие на ужин с вами. Я вас верно поняла?

– Да! Вы согласны?

– Ни в коем случае. Вы не сдали зачет. Причину я еще готова принять, усилив ее сексуальным напряжением после длительного воздержания...

Румянец на щеках капитана стал пунцовым.

– Но условие... Согласно основам ценольбологии, то, что вы назвали в качестве условия – один из внешних стимулов желания. Я соглашусь, и вам для счастья сразу понадобится угостить меня вином. Заглянуть мне в декольте. Танцевать со мной. Далее счастье, этот ненасытный монстр, потребует от вас пригласить меня в отель. Или напроситься ко мне в гости.

– Похоже, графиня, я бездарно провалил зачет.

– Именно так. Ваше лже-счастье – динамический процесс. Он неудовлетворим в принципе. А мы в первую очередь говорим о подлинном, фундаментальном счастье. Его условия определяются одним-единственным словом.

– Каким же?

Он ждал – и дождался.

– Ограничение.

– Вы шутите?

– Ничуть. Я вам нравлюсь. Вы желаете обладать мной. Немедленно. Но мешает ограничение: мораль, сомнение в моем согласии, уголовная ответственность за насилие... Допустим, все ограничения сняты. Допустим, вы повалили меня на пол и достигли цели. Будете ли вы счастливы?

– Да что вы такое говорите? Разумеется, нет!

– Ответ принят. Вы будете удовлетворены. А счастливы вы сейчас. В эту самую минуту. Из-за ограничений. Превращающих в счастье каждую поблажку. Я заговорила с вами – счастье. Вы распускаете павлиний хвост – счастье. Надеетесь, рассчитываете, строите планы – счастье. Дальше углубляться не стану, вы – офицер космofлота, а не мой студент. Просто задумайтесь и ответьте: я права?

– Я буду ждать вас внизу, – ответил он.

– А ваша сестра?

– Мы вместе навестим мою сестру, графиня. А потом пойдем ужинать.

– А если я замужем?

– Это не имеет значения.

Ограничения, подумала Анна-Мария. Разница в возрасте. Сплетни: интрижка с молодцом-офицериком. Косые взгляды в спину. А, катись оно всё в черную дыру...

– Я ухожу, – сообщила она кабинету, дивясь самой себе, той, какую не знала до сегодняшнего дня. Знакомство было головокружительным, как обморок. – Отключить питание. Взять под охрану!

– До свиданья, графиня, – ответила информателла. – Удачного вечера.

Проекция оконного плюща исчезла, трепеща листьями. Стекло приобрело цвет спелой вишни. Погасли огни рабочей сферы. Вздрогнул аквариум. Рыбки начали рассасываться одна за другой, превращаясь в крохотные радуги. Павлинцы и семихвосты, стилеты и паяцы, бахромчатые сомики, змееглавцы – всё обратилось в сияющий калейдоскоп, завертелось, растворилось...

Погасло.

Вирт-аквариум перешел в режим ожидания. «Корм благополучно утилизирован», сообщила надпись на панели. И второй строкой: «„Jala-Maku XVI“, комплект декоративный».

- Пойдемте, мой герой. Я провожу вас к общежитию.
- Ужин? – напомнил он.
- И не надейтесь. Поужинаете с сестрой.
- Ограничение, – рассмеялся капитан. – Да, я помню.

Медовый месяц они провели на Китте. Теодор и Анна-Мария ван Фрассен. Он уговорил ее взять фамилию мужа. Он мог веревки из нее вить, хотя со стороны казалось, что бравый Теодор – чистый подкаблучник. «Ван Фрассен? – спросил у племянницы контр-адмирал Рейнеке, получив приглашение на свадьбу. – С „Громобоя“? Смотри, милочка, тебе с ним жить...»

В устах дяди это была высшая похвала. Если уж Рейнеке Кровопийца не нашел для капитан-лейтенанта ни одного оскорбительного замечания... Прямая дорога в академию, не меньше.

Синее море. Желтый песок. Бунгало в тени пальм. Ему – тридцать два. Ей – сорок три. Кому какое дело? Коралловые рифы. Рыбалка с антиграв-платформ. Батутеннис на пляже. Теодор – чемпион ВКС. Его удар в заднем сальто бесподобен. Завидуйте. Не пытайтесь флиртовать – глаза выцарапаю. Темнокожие гитаристы. Нежность струн. Флейты во мраке. Страсть. Покой. Смех. Это ненадолго. Три недели, больше нельзя. Ему – на корабль. Ей – в университет.

Ограничение.

Условие настоящего счастья.

Здесь, на Китте, она приняла зачаточную таблетку. Хотела ребенка. Медицина Ларгитаса – лучшая медицина Ойкумены – давно лишила женщин, родившихся на этой благословенной планете, их вечных проблем. Никаких критических дней. Никаких вредных последствий. Всё хорошо, организм бодр, а любовь не требует унылых предосторожностей. Если же решилась – пилюли «Флерлевит» к твоим услугам.

Кого желаете, спрашивал рекламный вкладыш. Мальчика? Девочку? Близнецов? Близнецы – это слишком, подумала Анна-Мария, засыпая. Мама всегда мечтала о внучке.

Рядом сопел утомленный Теодор.

Часть первая Ларгитас

Глава первая Свадьба в детском саду

I

Элиза Солингер дунула на вирт-сенсор. Кокон голосферы, окружавший девушку, сделался прозрачным. Сквозь игровую площадку, где резвилась средняя группа, проступили стены кабинета дист-контроля. Необходимости менять проницаемость сферы у Элизы не было. Ей просто нравилось слоистое восприятие. Когда мир вокруг тебя раздваивается, расстраивается, расчетверяется – и ты оказываешься во всех мирах одновременно...

Детская забава? Под «детскую забаву» в Педагогическом выделен спецкурс – три семестра. А у виртуальщиков в Институте Вторичных Реальностей – вообще пять. Курт рассказывал. По слоистому восприятию у Элизабет было «отлично». Три слоя – в полном объеме, и до пяти – визуально. Говорят, гении вроде Монтелье способны удерживать без смешения до двенадцати слоев. Девушка тихонько вздохнула. Ничего, три-пять – тоже неплохо. В конце концов, Монтелье – не просто знаменитый режиссер, но еще и телепат. Глупо завидовать кенгуру, что он прыгает лучше тебя. Вглядевшись в происходящее на площадке, она усилила фронтальный звук, отодвинув на задний план струнный квартет, исполнявший «Прелюдии» Ван Дер Линка.

- Свадьба! Свадьба!
- Давайте лучше в пиратов!
- В пиратов мы вчера играли. А сегодня – свадьба!
- Тогда – на корабле! В космосе!
- Чур, я жених! Капитан корабля – жених!
- А я невеста!
- Нет, я невеста!
- А у меня папа – капитан корабля!
- А у меня сестра женилась! Я на свадьбе была!
- Ну и что?

Улыбаясь, Элиза наблюдала за перепалкой. Эмо-доминантный конфликт, второй уровень. Конфликты до третьего уровня включительно идут детям на пользу. Пусть учатся отстаивать свое мнение, проявлять качества лидера, приводить аргументы...

Ага, кажется, договорились.

Куклы-полиморфы пришли в движение, меняя облик. Один из биомехов превратился в мужественного капитана. Другой – в красавицу-невесту. Воспитательница убавила фронтал. Остались лишь самозабвенные трели чернохвостки, поющей в листве магнолии. Птицы – умиротворение для детской психики и замечательный контрапункт к Ван Дер Линку.

Четвертая Прелюдия – ее любимая.

В детсадовских проекторах стояли ограничители. Вздумай Элиза параллельно с наблюдением за воспитанниками посмотреть фильм или поболтать с подругой через вирт – ничего бы не вышло. С внешней сетью проектор связывали целевые служебные каналы, а во

внутренней памяти книги и фильмы отсутствовали. Только фоновая музыка, да программа ароматерапии.

Интерактивный голограф уже создал копию кают-компаний, какие бывают на круизных лайнерах. Толпились, разбившись на группки, преобразившиеся куклы, суетились автомат-стюарды, столы ломились от деликатесов, а на обзорниках полыхал фейерверк звезд. Верховодила игрой, звонко выкрикивая команды, курносая девчушка с россыпью конопушек на пухлых щеках. Регина ван Фрассен, дочка заведующей кафедрой в университете. Шесть лет назад графиня Рейнеке стремительно вылетела – иначе и не скажешь! – замуж за молодого офицера ВКС Ларгитаса. Однако научную работу графиня не только не бросила, но даже продвинулась по службе, заняв кабинет герцога Райхенбаума – тот ушел на повышение в качестве декана факультета этногенетики.

Плод романтического марьяжа удался на славу. Регина-непоседа, Регина-проказница, умница Ри! Оставалось гадать, в кого пошла дочка: в отца или в мать? В «космического волка» или в «звезду науки»? Вот и сейчас: добила курносая своего!

Отстояла роль невесты...

«Ограничение, – писала мать „невесты“ в „Границах контактов“, рекомендованных Министерством образования будущим педагогам, – составляет один из важнейших аспектов жизненного опыта. Оно определяет, характеризует и выделяет рамки отношений. Ограничение является уникальной формой непосредственных взаимоотношений. В межличностных отношениях (в особенности если речь идет о детях) ограничения задают область, в рамках которой стимулируется рост личности...»

– А я – главный канонир!

– Нет, я! Я из плазматора...

Кукольная свадьба разворачивалась как по нотам. Успокоившись, Элиза погрузилась в глубины собственного «я». Здесь у нее разворачивалось действие, ничуть не менее интересное, чем свадьба – но для детского просмотра категорически не рекомендованное. Любопытно, удастся ли повторить всё это «в реале»? Надо будет попробовать.

Вряд ли Курт станет возражать!

II

– ...Чур, я жених! Капитан корабля – жених!

Ура, свадьба! Кос-ми-чес-ка-я! Надоели эти пираты дурацкие.

– А я невеста!

– Нет, я невеста!

Опять эта задавака Труди всё портит!

– Нет, я! Я первая сказала!

– А ты не чурнулась! Я невеста! Чур, я!

– А у меня папа – капитан корабля!

Что, съела?!

– А у меня сестра женилась! Я на свадьбе была!

– Ну и что?

– Я знаю, как женятся! А ты не знаешь!

– Я тоже знаю...

– Не знаешь! Незнайчик! Незнайчик!

Труди заскакала вокруг Регины на одной ноге, обидно высунув язык. Мама говорит, что хорошие девочки так себя не ведут.

– А девочки не женятся! Они замуж идут!

– Незнайчик!

- А невесты язык не показывают!
- Показывают! Всё равно я невеста!

Труди продолжала скакать, как заведенная. Регина надулась. Мальчишки на них внимания не обращали. Они были заняты важным делом: делили оставшиеся должности на корабле.

- ...чур я старший помощник!

- А я – главный канонир!

- Нет, я! Я из плазматора...

– А давай, ты моей сестрой будешь? – смиловилась Труди, запыхавшись. – Будешь на меня украшения надевать, да? Фату держать?

- Не хочу – сестрой! Хочу невестой! Я первая...

- Я твоей сестрой буду!

Рядом тут же оказалась Флосси, преданно заглядывая в рот Труди.

– А всё равно капитан на тебе жениться не захочет! – нашлась Регина. – Ты язык показываешь. На таких не женятся.

– А вот и женятся! Вот и женятся! Это он на тебе жениться не захочет! Конопашка-замарашка, конопашка-замарашка!

- А ты!.. Ты языкашка-заплевашка!

Это слово Регина сама придумала. Труди на миг растерялась, не найдя, что ответить. Воспользовавшись паузой, Регина перешла в наступление:

- А давай у Ника спросим, на ком он хочет жениться! У жениха всегда спрашивают!

- Давай! Он меня выберет!

Хитрюга Труди соорудила такое умильное личико, что даже Регина уверилась: Ник, дурак, выберет эту дразнюку. Но отступить было поздно. Сама предложила, никто не заставлял! Что же делать?

Волшебное слово!

Вчера мультинянь читал Регине на ночь сказку. Вообще-то Регина и сама умела читать... Но у мультиняня куда лучше выходит! Под музыку и с выражением. Сказка была про мальчика-помогальчика, который всем помогал. Другам помогал, врагам помогал, папе с мамой помогал. И сестре-вреднючке, и дедушке – герою войны. Только у него ничего не получалось. И тогда к нему прилетела добрая фея из Центра Галактики, где живут феи, и научила волшебным словам: «Инити-финити-крамс!» «Эти слова за тебя работать не будут, – предупредила мальчика фея. – Ты всё должен делать сам. Но едва ты произнесешь волшебные слова, у тебя всё получится.»

Мальчик был послушный. Он не ленился всё делать сам, и всегда говорил волшебные слова. И у него всё стало получаться! А когда он вырос, то стал великим ученым, его избрали королем, и он женился на главной красавице Вселенной.

Регина тоже всё сама сделает. Главное – сказать волшебные слова!

Инити-финити-крамс!

– Ник, ты хочешь, чтобы я была невестой.

Регина сказала это быстро-быстро, не дав Труди и рта раскрыть. Она не спрашивала Ника – она объявляла свое желание с полной уверенностью в результате. Зачем спрашивать? Волшебные слова не подведут.

– Ага, хочу! – обрадовался Ник.

Труди опешила:

– А я?

– А ты будешь моей сестрой! Двоюродной. Поддержишь мою фату!

– Хорошо, – согласилась Труди. – Поддержу.

И моргает, совсем как Флосси.

– А ты, Флосси... Ты будешь мамой жениха, вот!

Я добрая, подумала Регина. Я не то что Труды. Быть мамой жениха даже лучше, чем двоюродной сестрой невесты. Словно услышав ее мысли, Флосси радостно заулыбалась. Конечно, это лучше!

Мальчишки уже поделили, кто кем будет. Регина не возражала. Только Густава-драчуна, который упрямылся и кричал, что он пират, она назначила коком. Зачем ей пираты на свадьбе? А кок на корабле – главный человек. Так папа говорит, а папа всё знает. Густав очень-очень захотел быть коком. Регина на всякий случай повторила волшебные слова – и, войдя во вкус, определила трех девочек в «дальние родственницы». Ей понравилось, как это звучит: «дальние родственницы». По-взрослому, честно-пречестно.

Никто не возражал.

Месяц назад папа прилетел в отпуск, и повел жену с дочкой на *живой* концерт, в филармонию. Мама опасалась, что Регина запросится домой, но Регина не запросилась. Она сидела и слушала. И даже почти не разговаривала. Всего один раз громко спросила: почему дядя с палочкой ни на чем не играет? Это фейная палочка? Папа ей шепотом объяснил, что дядя – ди-ри-жер. Он тут главный. Управляет оркестром, как папа – кораблем, и палочкой показывает, кому как играть.

Дядя ди-ри-жер Регине очень понравился. Она спросила у мамы: бывают ли тети ди-ри-жеры? Мама на нее зашикала, но все-таки ответила: бывают. Регина сразу решила, что когда вырастет, станет тетей ди-ри-жером. Будет командовать музыкантами.

– Свадьба!

Она ди-ри-жи-ро-ва-ла детьми, а дети, слушая ее, управляли куклами. Вот жених с невестой выходят к гостям. Гости хлопают в ладоши, поздравляют, дарят подарки. Мама жениха приглашает всех за стол. Кок-Густав перечисляет всякие вкусности: шоколадное мороженое, земляничное мороженое, мороженое-полифрукт, пирожные с цукатами, с кремом, с орешками куна-куна, с мангориновой глазурью...

А потом Ник вдруг взял ее под руку. Как взрослую тетю. Как... невесту! Он смотрел на нее *по-особенному*, как папа на маму, и сопел тоже *по-особенному*. И все дети выстроились в точности, как куклы, и поздравляли их с Ником, и...

На миг Регина растерялась.

Ник заплакал.

III

На площадке раздался плач. Сгустив сферу, воспитательница убрала стены кабинета и усилила фронтал с приближением. На всё это у нее ушло не более двух секунд.

Ник Зоммерфельд в испуге пятился от Регины ван Фрассен. Малыш рыдал, размазывая кулаками слезы по лицу. Внезапно он бросился прочь – не разбирая дороги, бледный от паники. С размаху налетел на Густава; оба растянулись на амортизаторе, Густав наугад ткнул кулаком, промахнулся...

«Кажется, не ушиблись,» – машинально отметила Элиза.

Мгновением позже до нее дошла категорическая неправильность происходящего. Из детей лишь двое мимоходом покосились на упавших – и тут же отвернулись. Остальные вообще не обратили внимания на инцидент, поглощены игрой. Ник и Густав поднялись на ноги, улыбнулись, как если бы ничего не произошло, и деревянной походкой двинулись обратно. Ник больше не плакал. Густав – случай из ряда вон выходящий! – не желал продолжать драку. Сердце Элизы дало сбой, и вдруг застучало, как движок на форсаже. Девушка поняла, что происходит, так ясно, с такой ледяной, обжигающей уверенностью, как если бы сталкивалась с нештатной ситуацией десять раз на дню. На деле же Элизе Солингер, кав-

лер-даме дошкольной педагогики, приходилось видеть нечто, подобное «космической свадьбе», лишь в записи. Воспитателей предупреждали: вероятность очень низка – но не равна нулю.

Инструкции она помнила назубок. Систему – в аварийный режим. Заблокировать все выходы с площадки. Заблокировать двери в кабинете дист-контроля. Ни в коем случае не выходить к детям. Не позволить ребенку, кем бы он ни был и какой бы предлог не выдумывал, войти к воспитательнице. Теперь – сенсор экстренного вызова. Элиза полагала, что ей никогда не придется им воспользоваться...

Правый верхний сектор голосферы налился ядовитой зеленью.

– Дежурный службы Т-безопасности слушает.

– Детский сад «Солнышко», университетский городок Роттенбург. Воспитатель Элизабет Солингер. Ситуация 3-а! Повторяю: ситуация 3-а!

– Я слышу вас, госпожа Солингер, – изображение не проявилось. – Успокойтесь. Продолжайте наблюдать за происходящим. Сейчас я подключусь к вашему инфо-каналу. Меры безопасности приняты?

– Да.

Элиза постаралась взять себя в руки. Голос срывался, в нем звучали слезы. Что подумает о ней дежурный? Она, кавалер-дама с магистерской степенью, истерит как девчонка-первокурсница...

– Я заблокировала площадку.

– Вы всё сделали правильно. Специалист уже вылетел к вам. Будет на месте через двадцать минут. Ждите. Сами ничего не предпринимайте. Действуйте строго по инструкции. Дети не выглядят измученными? Истощенными?

– Нет.

– Приступы типа эпилептических?

– Да что вы!

– Я – ничего. Так как насчет приступов?

– Нет.

– Если начнутся, задайте вентиляционный режим «колыбель». Повторяю: «колыбель».

Это поддержит их.

– Хорошо.

– Что сейчас делают дети?

– Играют.

– Во что?

– В свадьбу. На космическом корабле.

– Жених, невеста, гости? Экипаж с поздравлениями?

– Да. Вы скорее... я прошу вас...

– Не волнуйтесь. Всё будет в порядке. Следуйте инструкциям.

– Я...

– Спасибо за оперативный вызов.

И дежурный отключился, хотя Элизе больше всего на свете хотелось, чтобы в акуст-линзе продолжал звучать этот спокойный, располагающий к себе голос. Он прав: инструкции писали знатоки кризисных ситуаций. Значит, осталось уведомить заведующую – и ждать. Великий Космос! Ждать целых двадцать – уже девятнадцать – минут... Как ни банально это звучит, они показались девушке вечностью. Умение сохранять хладнокровие, не в силах что-либо предпринять, не числилось среди многочисленных достоинств Элизы Солингер.

Кусая губы, она до рези в глазах всматривалась в «свадьбу». Ни одна свадьба не вызвала у нее такого живейшего интереса. Должно быть, когда Курт наконец решится подарить ей кольцо, и они пойдут под венец, счастливая невеста при каждом шаге будет вздрагивать,

озираясь по сторонам. Кто вокруг? Кто этот священник? Кто эта женщина, мать Курта? Человек ли? Кукла?

Своей ли волей Курт отвечает: «Да!»?

Кто стоит за происходящим? Семнадцать малышей. Ника она исключила сразу. Кто из шестнадцати? Труды? Регина? Явный лидер сегодня. Слишком явный... Из ангара к детям подкатила автотележка с соками. Все принялись угощаться. Кто вызвал тележку? Густав? А может, всем заправляет тихоня Франек? Одиннадцать минут. Проклятая чернохвостка! Заливается, как ни в чем не бывало. Хоть бы уже заткнулась наконец! Дежурный сказал: всё будет в порядке. Десять минут. Скоро придет специалист. Девять с половиной. «Пусть всё обойдется! Пожалуйста!» – шепотом попросила девушка, сама не зная – кого.

Много лет спустя Элиза ван Деникен, в девичестве – Солингер, баронесса дидактики, мать троих детей, выросших и даже подаривших Элизе внуков, найдет в архивах Роттенбургского информатория голографические снимки воспитанников «Солнышка». Будет там и печально запомнившаяся ей группа, за три дня до «космической свадьбы». Баронесса ван Деникен просидит, разглядывая детские лица, далеко за полночь. Густав Вольф, Регина ван Фрассен, Ник Зоммерфельд, Гертруда Шпильман, Маргарита Речицки...

«Всё в порядке?» – спросит Курт, седой и грузный.

Да, кивнет она.

«Иди спать. Тебе завтра рано вставать...»

Во сне Элиза увидит свадьбу. И проснется с криком – ей почудится, что сердце остановилось, и кровь не течет по жилам, и нет ни души, ни памяти, ни чувств, потому что биомеханической кукле ничего этого не надо.

IV

Экстренный вызов застал Фердинанда Гюйса в аквапарке.

В глубине уединенного грота он самозабвенно целовался с Агнессой. Кажется, все-таки с Агнессой. У Гюйса была отвратительная память на женские имена. Зато все остальное у него было – лучше некуда. Хоть в горах, хоть на гравиплане; хоть в кастрюле с супом, приди Гюйсу блажь затащить красотку туда. Обнявшись, они зависли в сапфировой толще воды, превратились в четвероногое, двухголовое существо. Чтобы головы оставались над поверхностью, парочка, шевеля ногами, волнообразно изгибалась в такт. Движения более всего напоминали соитие. Гюйс не сомневался: до этого тоже дойдет. Но, разумеется, не в гроте.

Приличия надо соблюдать, как бы ни хотелось безумств.

Они познакомились четверть часа назад, в бассейне для прыжков. Загорелая девчонка закрутила с соседней вышки двойной оборот, войдя в воду почти без всплеска. Гюйс оценил. Дождавшись, пока смуглянка вынырнет, он ответил тройным винтом. Нырять Фердинанд учился на Сякко, у ловцов прыгающих жемчужниц, и до сих пор не забыл этого искусства. Вне сомнений, девчонка заранее положила на него глаз. Из купальника выскакивает, лишь бы обратить на себя внимание.

Что ж, он не против подыграть.

Гюйс знал, какое впечатление производит на женщин. И без стеснения пользовался преимуществами, какие дала мать-природа. Красавец-атлет (нечего хмыкать!) с фигурой античной статуи (да-да!..) и взглядом эстрадного магнетизера. Ему было под сорок, но редко кто давал Гюйсу больше тридцати.

– Классно прыгаешь! – подольстилась смуглянка.

– Ты тоже. Я аж залюбовался.

Даже сквозь загар было видно, как зарделись ее щеки.

– Да ну, пустяки... Ух ты! Эмпат?

Только сейчас девушка разглядела татуировку на крыльях носа Гюйса – «визитную карточку» ментала-ларгитасца. По характеру узора специалист легко определил бы, кто перед ним: эмпат, телепат или психир. Но специалисты плавали в других омутках.

– Подымай выше! – рассмеялся Фердинанд. – Телепакт.

Не все знали, что это сокращение означает: «телепат активный». Девушка, судя по ее реакции, знала. Или прикидывалась сведущей.

– Вау! Класс! Я – Агнесса.

– Красивое имя.

«Эта банальность никогда не вызывает возражений,» – подумал Гюйс.

– А как зовут тебя?

– Фердинанд.

– Тоже ничего. Давай синхрон прыгнем?

– Какой?

– Два оборота. Я передний, ты – задний. Без разбега.

– По хлопку?

– Ага! Хлопок – твой.

– Договорились.

Они поплыли к вышкам, выбрались из воды и принялись карабкаться на самый верх. Гюйс по опыту знал: реакция на татуировку ментала делит женщин на два ярко выраженных типа. Одни мгновенно закрывают все ворота, как крепость при виде вражеского авангарда, и спешат ретироваться под любым благовидным предлогом. Другие с восторгом распахивают глаза, словно двери – настежь, и...

Дальше бывает по-разному.

В том, как будет развиваться знакомство с Агнессой, он не сомневался. Известно, какие слухи о телепатах ходят среди экзальтированных дамочек. «О-о, это чудо! Он же всё угадывает. Любое желание, любую прихоть! Мы с ним такое вытворяли!..» По большей части любительницы острых ощущений сами себя в этом убеждали. Редкий ментал нарушал запрет, снимая пси-блок во время любовных игр. Но Фердинанд не спешил разубеждать своих многочисленных партнерш.

Грех лишать женщину приятных иллюзий!

Они замерли на краю досок. Гюйс видел: Агнесса ждет команды. Он дважды взмахнул рукой: внимание! готовность! – и на третьем взмахе хлопнул себя ладонью по бедру. В воду они вошли одновременно: редкий случай для несработавшихся партнеров. Агнесса ему положительно нравилась. Вынырнув, оба, не сговариваясь, поплыли через бассейн наперегонки – и встретились под мини-водопадом, смеясь и отфыркиваясь.

– Здорово!

– Ага!

Через пять минут он знал о ней все, и даже больше. Студентка первого курса, факультет молекулярной биологии; живет в общежитии. Прилетела из Циммерберга, с другого полушария Ларгитаса. Ей восемнадцать, прыжками в воду увлекается со школы... Агнесса тараторила без умолку. Гюйс на мгновение ослабил блок, с осторожностью карманника скользнув в разум девушки. Насчет возраста могла и соврать, а с малолетками связываться – себе дороже! Нет, правда: совершеннолетняя...

Через десять минут они оказались в гроте.

V

Запястье пронзил электрический зуд. Сработал биосенсор связного имплантанта. Проклятье! Как не вовремя...

Он с сожалением оторвался от губ Агнессы.

– Извини, срочный вызов.

– Что? Зачем?

– Требуется моя помощь.

Девушка не обиделась. Напротив, в глазах ее читался восторг. Еще бы! Едва познакомилась с телепатом, и тут же – ЧП! Настоящее приключение! Ее новый парень спешит на помощь терпящим бедствие...

– А можно мне...

– Нельзя.

– Жаль...

Похоже, отметил Гюйс, она из тех, кто любит немножко грубости.

– Свяжись со мной вечером. Или завтра. Номер запомнишь?

– Да!

Он действительно хотел увидеться с ней еще раз. И сопровождал последовательность цифр и букв легчайшим, как пух, внушением. Пусть номер отпечатается в памяти Агнессы. А уж связаться с ним, или нет – ее выбор.

Без крайней нужды Гюйс старался не нарушать Закон о допустимых пси-воздействиях. Доказать подобное нарушение – даже в пси-суде! – проблематично, но закон есть закон. Выскользнув из грота, он, словно глассер, устремился к краю бассейна. Сел на бортик, активировал связь в приват-режиме, переведя левый, нано-модифицированный хирургами-офтальмологами глаз на «фасеточное» восприятие.

В одном из раскрывшихся секторов возник Т-дежурный.

– Детский сад «Солнышко». Первичная активация. Захват группы.

– Ребенок?

Вопрос был не праздный. Случалось, накатывало и на взрослых. Три года назад учительница химии на контрольной по углеводородам спонтанно превратила весь класс в отличников. Первый случай прорыва в двадцать девять лет. Ночью перед контрольной она потеряла девственность. Специалисты говорили, что это ни при чем, но Гюйс-то понимал...

– Да.

– Возраст?

– 5–6 лет.

Он поморщился. Самый непредсказуемый возраст. Ментальная мощь скачет кузнечиком; понимания – ноль. Плюс азарт, упрямство, резкие смены настроения... Придется попотеть. Хорошо еще, у совсем малышей прим-активация встречается редко. Прошлой осенью был уникальный случай: купировали трехлетку. Вот где кровавый кошмар! Втроем еле справились, чтоб не вывихнуть сопляку мозга...

– Объект установлен?

– Нет.

– Ладно, разберусь на месте.

– Оптимальный маршрут – в навигаторе твоего мобиля. Включай автопилот. Расчетное время в пути – 13 минут 32 секунды.

– Что там сейчас происходит?

– Дети играют. Всей группой.

– В войну?

Только бы не война, взмолился Гюйс. И вопль его души был услышан.

– В свадьбу.

– Картинка есть?

– Есть.

– Давайте. На меня, и в параллель – на приемник мобилия.

– Сделано.

Вихрем он влетел в раздевалку. На душ времени не оставалось. Скоростная сушка. Тридцать секунд. Фен. Укладка номер три. Минута. Сойдет. Пока горячие потоки воздуха приводили в порядок его кудри, в трех фасетках левого глаза Гюйса разворачивалось дубль-действие. Дети и куклы. Куклы и дети. Куклы и... куклы.

Кто из семнадцати?

Невеста?

Жених?

Капитан лайнера?

На заднем сиденье мобилия, вспомнил Гюйс, лежат подарки – купил племяннице на день рождения. Сегодня крошке Виктории исполнилось шесть лет. Букет «звончков»-гладиолусов в вегетативной упаковке, нано-конструктор «Семейное счастье» и набор интерактивных пупсов. Исключительно кстати! До вечера, если всё пройдет гладко – суеверный Гюйс дернул себя за кончик носа, чтоб не сглазить удачу – он успеет купить Виктории новые подарки. И уж поверьте, выберет те, что подороже! А расходы запишет в графу «служебные» – пусть Т-шники компенсируют.

На бегу натягивая футболку, он нырнул в мобиль, который при виде хозяина предупредительно поднял дверцу. Палец ткнулся в папиллярный детектор защиты. Приборная панель мигнула, вторично опознав хозяина. Автопилот. Развертка изображения.

– Поехали! Площадка заблокирована?

– Да, – отозвался дежурный. – Воспитательница действовала строго по инструкции.

– Хорошо.

За окнами мелькали, утопая в зелени, жилые коттеджи. Надвинулась плексаноловая громада спорткомплекса. Сверкнуло, отразив солнце, зеркало водохранилища. Вскоре зона рекреации осталась позади. Прямо по курсу выросли университетские корпуса. Дорога ушла влево. Редкие мобилии прижимались к обочине, уступая дорогу спортивному «Бег-Шнеллеру» Гюйса. Именно для таких случаев машину телепата оснастили системой «приорити», которая сейчас «горланила» на третьем уровне оповещения.

Включать экстрим-четвертый Гюйсу еще не доводилось.

Мобиль затормозил у ворот из металлопласта, стилизованного под старинное литье. Листья, цветы, короны и единороги складывались в причудливый орнамент. За такими воротами просто обязан стоять замок со спящей челядью, принцессой и драконом! Готов ли ты, храбрый рыцарь Фердинанд, столкнуться с живой химерой – принцессой и драконом в одном лице? Как усмирить чудовище, не повредив ребенку, если они оба – суть одно?

Это вам не копьём махать, господа хорошие!

Сказочным рыцарям было не в пример проще. Мой меч – твоя голова с плеч! Или жаркое из рыцаря, если не повезло. В детском саду этот героический номер не пройдет. Все участники сказки должны не просто остаться в живых. Ни царапины, ни ссадины; ни остаточного неврозика – шрама, зудящего на дождь до глубокой старости...

Эй, рыцарь! Справишься?

По обе стороны от ворот тянулась голографическая стена крепости, увитая натуральным виноградом. Лозы держались на подпорках, спрятанных в голограмме. Створки ворот разошлись сами, со зловещим скрипом. Вооружившись подарками, Гюйс двинулся по дорожке вглубь парка.

Здесь.

Воздух, насыщен стеклистыми нитями, едва заметно колебался. Блокировка площадки. Силовое поле. Пакет с подарками и букет перекочевали в левую руку. Гюйс извлек из кармана универсальный ключ – по долгу службы он всегда носил его с собой – коснулся сенсора, и мерцание померкло.

Ключ имел ряд дополнительных функций. В частности, в него был встроен мини-татуатор – для экспресс-татуировки свежевывявленных менталов. Гюйс ощутил периферийную бурю чувств: волнение, миг изумления, испуг, надежда... Воспитательница. Ключа она не заметила, вот и удивилась: как незнакомец прошел через блок-поле? Судя по яркости эмоций – молоденькая. И впечатлительная.

Познакомиться?

Потом. Сейчас – работа.

– Поздравляю новобрачных! Извините за опоздание: мой катер потерпел аварию в поясе астероидов. Мне пришлось сражаться с хищными флуктуациями! Я разорвал их на части голыми руками. И вот я здесь! Со мной – подарки молодым...

– Подарки! Это мне! Я – невеста!

Конопатая девчушка сорвалась с места и вприпрыжку помчалась к Гюйсу, нарочно задержавшемуся на краю площадки. Больше никто из детей не обернулся. Даже «жених», которому, по идее, тоже полагался подарок. Фасеточный нано-глаз телепата уже передавал в службу Т-безопасности изображение бегущей девочки.

«Объект определен. Проведите идентификацию.»

VI

Вызов застал Анну-Марию на собрании Ученого совета.

Запястье правой руки, на котором она носила коммуникатор, оформленный под гранатовый браслет, слегка покалывало. Значит, кто-то незнакомый. Вызовы мужа сопровождались приливом тепла; родителей и дяди – мягким поглаживанием. Рабочие – вибрацией разного рода. Она давно научилась по ритму, словно по стуку чужого сердца, различать: коллеги, проректор, факультетский секретарь...

– ...в заключение вышесказанного ходатайствую от имени факультета о переводе на казенный кошт таких студентов-инопланетников, как Лела Шахиан, Томаш Новак, Бат Каллерво, Ю Чен... индекс успеваемости... 3-я ступень ассимиляции...

Доклад герцога Раухенбаума вчера согласовали на кафедрах. Чистая формальность – огласить список инопланетников, чей талант и упорство позволили им прорваться в святая святых, в систему обучения Ларгитаса, сделав первый шаг к виду на жительство, а там, если хватит усердия, и к гражданству.

– ...также ходатайствую о выделении стипендии Буче Ионеску и Гвидо Доминго... 4-я ступень ассимиляции...

Анна-Мария сжала пальцы в кулак. Откликаясь, коммуникатор создал объемный иллюзатор размером с коробочку для обручальных колец. Кулак сжался плотнее – переработка речи абонента в текстовый вариант. Не хватало еще, чтобы в унисон с докладом герцога вдруг раздался бас налогового инспектора, решившего обсудить с графиней нюансы ее декларации, или мерзкий фальцет адвоката Штейнеров, обслуживающего древний спор об участке земли над Тихой... И все-таки, кому она понадобилась, да еще без отлагательств?

Что-то с дочерью?

– ...передать в Королевский совет ходатайство о присвоении кавалерских титулов, дающих право на гражданство Ларгитаса, студентам-инопланетникам, с отличием закончившим магистратуру...

И, неприятным контрапунктом вторя баритону Раухенбаума, побежали слова в дымке иллюзатора:

«Говорит представитель службы Т-безопасности, старший инспектор Фрейрен. Срочно явитесь в детский сад „Солнышко“. Повторяю: срочно явитесь...»

Сперва Анна-Мария не поняла и разозлилась. Что значит: срочно? Она не девочка, чтобы срывать ее с места. Злость была броней, принявшей на себя первый удар. Осознание беды, явившись следом, уязвило не так остро, как могло бы.

Т-безопасность. Детский сад.

«Что с Региной?» – обработал коммуникатор беззвучный вопрос хозяйки. Умному аппарату хватило еле заметных колебаний голосовых связок.

«Ваша дочь в безопасности. Ее здоровью ничего не угрожает.»

«Буду в „Солнышке“ через полтора часа. У меня заседание.»

«Повторяю: срочно явитесь в детский сад. Индекс требования: А-164/ЗР.»

Анна-Мария вздрогнула. Впервые – сильная, самостоятельная женщина – она пожалела, что Тео нет на Ларгитасе. Мужа она видела редко: отпуска, когда Теодор прилетал к семье, да с десятков кратких внеплановых визитов. Всё остальное время корвет-капитан ван Фрассен – в звании его повысили прошлой зимой – проводил на «Громобое», в районе дислокации эскадры. Графиня привыкла жить одна. Любила она мужа по-прежнему, но страсть утихла, вписавшись в график: радость встреч и спокойствие разлук. Измен со стороны Анны-Марии не было, хотя возможности имелись. Наука, дочь; университет. 2-я Государственная премия за «Границы контактов»...

Ограничения определяют рамки отношений.

Ограничения гарантируют физическую и эмоциональную безопасность.

Ограничения связывают идеалы с реальностью.

Ограничения позволяют выразить негативные чувства без страха перед возмездием.

Ограничения – основа стабильности и состоятельности.

И вот: внезапный удар по мироустройству. Тщательно выстроенная система ограничений – крепость, в которой заключалось счастье графини ван Фрассен – дала трещину. Кажется, жизнь подбросила еще одно непредвиденное ограничение. Индекс, названный инспектором, позволял встать и публично прервать доклад Раухенбаума. Нет, это лишнее.

«Выезжаю. Скоро буду.»

Пальцы легли на сенсоры коммуникатора.

«Вынуждена покинуть заседание, – послание адресовалось Беате Трайден, факультетскому секретарю. – Проблемы с дочерью. Извинитесь за меня перед герцогом. Мое мнение вам известно; если что, озвучите. Разрешаю воспользоваться моей карточкой для голосования.»

Спускаясь в лифте, она гнала прочь холодную, липкую мысль:

«Что я скажу Тео?»

Анна-Мария чувствовала себя виноватой.

VII

– А почему на свадьбе не играет музыка?

– Музыка! Музыка! – захлопала в ладоши Регина.

Бравурный «Марш первооткрывателей», грянув из акуст-линз, ввел в замешательство не только Гюйса. Регина тоже сморщила носик:

– Не такую! Танцевательную!

Марш сменился модным вальсонетом «Вернись ко мне».

– Другую! – девочка, рассердясь, топнула ножкой. Танцевать вальсонет она не умела. – Веселую!

С третьего раза эстет-компилятор угадал: на площадку выплеснулся зажигательный ритм «синт-вэйва», щедро сдобрен раскатами тубароллы. Регина запрыгала, ликуя. Остальные дети сонно переминались с ноги на ногу. На лицах их начало проступать недоумение.

Рано!

Нельзя рвать связи так резко.

– Танцуют все! – провозгласил Гюйс, подавая пример.

– Все, все! – поддержала Регина.

«Я не враг тебе. Не соперник. Мы играем вместе. Ведь правда, дитя? Ты не против, если дядя тебе чуть-чуть поможет?»

Дети задвигались живее, лица их просветлели. Продолжая выплясывать вокруг Регины, Гюйс открылся сильнее. Раскинул «сигнальную сеть», проникая в сознания детей, накрывая группу колпаком личного пси-восприятия. Всех, кроме Регины. Этот танец ты пропустишь, крошка. Если ты почувствуешь присутствие дяди Фердинанда там, где никого чужого быть не должно – дело пойдет насмарку.

Ох и наплела, дурища!

Трудно держаться на грани, не сбрасывая до конца *шелуху*. Не впускать в себя калейдоскоп чужих образов. Не проваливаться в изнаночную реальность, где – зеленые холмы, шелест олив, звуки флейты. Видеть, слышать, чувствовать. Расплетать, распутывать сиреневые нити... лозы... щупальца... Осторожно! – не дерни, брат, не повреди. Вливай по капле умиротворение... память о веселой игре, где всё было здорово, но ты утомлена, дитя мое, и друзья твои утомились, и нежные подруги, и пора отдохнуть... скоро тихий час...

На какой-то миг он всё же провалился.

Холмы – от горизонта до горизонта. Бугрится мышцами шкура спящего зверя. Зеленая шерсть травы идет волнами. Стонет земля от страсти под ласками ветра. Выгорела бирюза небес над головой. Налилась прозрачностью – до звона, до одурения. Пляши, Фердинанд Гюйс! – красавец-мужчина, атлет в венке из одуванчиков. Темно-синяя кожа. Смеющийся взгляд. Длинные пальцы музыканта.

Мохнатые ноги козла.

Не бывает таких ног. Даже у модификантов. И кожа его на самом деле – светлая. Но это не важно. Шелестит, шепчет в дремоте олива. Вторит шелесту флейта из черного дерева, с костяным мундштуком. Быстры пальцы Гюйса. Ласково дыхание. Неистощимо вдохновение. Нежится флейта под его поцелуями. Волшебным кольцом, воронкой над утонувшей ладьей кружится хоровод нагих юношей и дев, обступив флейтиста. И лишь одна, соперница, отойдя в сторонку, ласкает свою – другую! – флейту.

Это ее хоровод. Это она зачаровала всех. И не шелесту оливы вторит флейта Гюйса, но мелодии златокудрой девы. Она здесь хозяйка.

Хозяйка, да?

Дыши со мной, хозяйка. Пляши со мной, хозяйка. Спеша за мной, хозяйка.

Сыграем колыбельную на два голоса?

– ...гости устали, малышка. Мы ведь здорово потанцевали?

– Здорово! – зевая, соглашается девочка.

– Гостям надо отдохнуть. И жениху с невестой нужен отдых.

– Ага...

У нее слипаются глаза.

– На космическом корабле очень строгий распорядок.

– Знаю... мой папа – капитан...

– Твой папа – капитан, он тебе рассказывал. На корабле тихий час. Гостям пора спать. И команде пора спать. И жениху с невестой...

Он легко подхватил ее на руки. Вздых, улыбка, и Регина уже крепко спала.

От корпуса к ним бежали воспитатели.

VIII

В детском саду ее не пустили к дочери.

– К детям нельзя, – пряча глаза, сказала дежурная. – Тихий час.

– Я настаиваю!.. нет, я требую!..

– Извините. У меня распоряжение заведующей.

Пунцовая от стыда за то, что приходится отказывать матери, она лично встретила графиню у входа, хотя могла бы ограничиться интер-связью. На лице дежурной, укрыт за газовой вуалью смущения, читался восторг. Она уже предвкушала, как станет рассказывать о происшествии: мужу, приятельницам, соседям; свяжется с мамой, отдыхающей на водах в Трепте...

Дежурная еще не знала, что именно произошло. Но душой чуяла: это оно, условие для ее личного языкатого счастья. Необходимое и достаточное.

– Баронесса Риттенгоф ждет вас.

Кипя от возмущения, Анна-Мария прошла в кабинет заведующей. С баронессой Риттенгоф – наедине просто Гретой – они были если не подругами, то добрыми знакомыми. Грета защищала свой титул у герцога Раухенбаума. Талантом ее обделили, зато упрямства в небесной канцелярии отвалили на десятерых. Легкая на ногу, пухлая хохотушка, она зубами выгрызала диссертацию по особенностям детской ценольбологии, проводя на кафедре больше времени, чем иная сладкоежка – в кондитерской.

– Мне очень жаль, – вместо приветствия сказала баронесса.

Она сидела за столом, глядя на затемненную сферу. Словно там, в глубине, затаился кто-то, влиятельный и подозрительный, и было важно не скомпрометировать себя. Всё остальное – знакомство, симпатия, сплетни за чашечкой кофе – подождет до лучших времен.

– Я хочу видеть дочь, – ответила Анна-Мария.

– Да, конечно. С ней всё в порядке.

– Я хочу видеть дочь. Немедленно.

– Покажите ей дочь, – ответили из сферы.

– Игровая площадка № 3, – без возражений приказала заведующая.

Покрытие окна, выходящего в парк, приобрело матовый блеск. На нем, как на экране, проявилось изображение: безвольно свесив руки, стоят куклы-биомехи, по ковrolону разбросаны игрушки, в углу проектор держит остаточную иллюзию стола, накрытого для праздника. Под столом была на скорую руку сооружена постель. Гидро-матрас, белая простыня, подушка – смешные уголки в виде гномиков в колпачках; пестрое одеяльце...

Маленькая Регина спала, вольно раскинувшись. Девочка улыбалась во сне. Что-то в ее лице изумило, если не сказать – испугало Анну-Марию. Но графиня никак не могла сообразить, что именно. Нервы, подумала она. Проклятые нервы.

– Я буду жаловаться, Грета. Ребенок спит на игровой площадке? Это нарушение всех правил. Поверь мне, у тебя будут крупные неприятности.

– Ее скоро заберут, – пожала плечами заведующая. – Мне бы не хотелось, чтобы они пришли за ней в спальню. Кто-нибудь из детей может проснуться, начнутся вопросы...

– Я же просил вас, – брюзгливо сказали из сферы. – В конце концов, нельзя же так, в лоб... Госпожа ван Фрассен, это я связывался с вами. Старший инспектор Фрейрен, к вашим услугам.

Затемнение ушло. Всю сферу занимала голова: бритая наголо, с мощным, слегка вдавленным у висков лбом. Инспектор Фрейрен походил на профессионального борца. Только глаза ему достались из другого набора – черные, масляные глазки хитреца.

– Не будем ходить вокруг да около, госпожа ван Фрассен. У вашей дочери проявились способности активного телепата. Случай успешно локализован без последствий. Наш специалист явился вовремя...

– Не уверена, – перебила его заведующая. Пальцы баронессы Риттенгоф барабанили по краю стола, словно она подсчитывала убытки на калькуляторе. – Я еще буду выяснять насчет последствий. Не хватало, чтобы родители подали иск на «Солнышко».

Инспектор пропустил этот спич мимо ушей.

– Полагаю, графиня, ваша дочь проспит не меньше суток. Естественная реакция на стресс, не волнуйтесь. На ее здоровье это не скажется. Сейчас в «Солнышко» приедет наша транспортная служба. Самым бережным образом ребенок будет перевезен в спец-интернат «Лебедь». Это рядом, на берегу Земляничного озера. Когда девочка проснется, ее встретят опытные педагоги. Успешную адаптацию я гарантирую. Шок исключен. Насколько я знаю, ваша дочь не раз ночевала в детском саду?

– Мою дочь зовут Регина, – огрызнулась Анна-Мария.

– Извините. Повторяю вопрос: Регина ночевала в «Солнышке»?

– Да. Мой муж – военный. Большую часть времени он проводит вне Ларгитаса. А у меня много работы. Иногда приходится задерживаться в университете допоздна. «Солнышко» рассчитано на круглосуточный вариант по просьбе родителей...

– Очень хорошо. Значит, Регине не впервой просыпаться вне дома. Мы подберем успокаивающую обстановку. Вы сможете посещать ее когда угодно. Разумеется, учитывая расписание занятий. Завтра я пришлю вам все необходимые документы. Заверите их своей подписью, и всё будет чудесно.

– А если я не соглашусь? – спросила Анна-Мария.

Ей остро захотелось, чтобы Тео стоял рядом. Все ограничения ведут к счастью. Но есть ограничения, ведущие к счастью общества вопреки счастью индивидуума.

– Вы согласитесь. Вы – умная женщина.

– И все-таки?

– Вам неизвестны последствия вашего упрямства?

Известны, подумала Анна-Мария. Мужа отправляют в отставку. Меня увольняют из университета. Обоих лишают ларгитасского гражданства. Закон о правах и свободах, раздел VI, статья 28. На семейный счет в банке падает кругленькая сумма – компенсация за причиненные неудобства. В почтовый ящик приходит уведомление: согласно действующему законодательству семье ван Фрассен предписывается оставить Ларгитас в двухнедельный срок. Ваше имущество будет отправлено за казенный кошт на адрес, указанный вами. До того ваше имущество находится под охраной государства... гарантируем неприкосновенность и неотчуждаемость...

Ни одна ларгитасская колония их не примет. С другой стороны, Ойкумена велика. Корвет-капитана с радостью возьмут на службу где угодно, от захолустного Сечения до столичного Хонгра-Ши. Графиня ценольбологии превратится в доктора социологических наук, профессора в Национальном университете того же Хонгра-Ши. Регина быстро забудет родину, окунувшись в новую жизнь. Дети с легкостью привыкают к новому, в отличие от взрослых...

– Мне известны последствия, – сказала Анна-Мария. – Я соглашусь.

– Чудесно, – засуетилась, потирая руки, заведующая. Казалось, баронесса Риттенгоф только и ждала этих слов. Сказанное возвращало подруге весь статус, каким та обладала до

досадного инцидента с дочерью. – Душенька, я так рада! Великий Космос, я и помыслить не могла, что Региночка... она всегда была особенной девочкой! Воспитательницы отмечали...

– Ваш муж извещен, – перебил баронессу Фрейрен. – Уверен, сложностей не возникнет. Формальности мы уладим до конца недели. Завтра, часам к двенадцати, прошу вас подъехать в «Лебедь». Я буду ждать вас в кабинете директора. Хотите, я напишу письмо ректору? Вам с легкостью дадут отгул. Да хоть академический отпуск!

– Не надо, – отказалась Анна-Мария. – Я сама договорюсь.

На экране, до сих пор транслирующем игровую площадку, спала маленькая девочка. Под иллюзорным столом, в окружении кукол. Улыбалась во сне. Человек и куклы, подумала Анна-Мария. Прикажи человек, и биомехи с легкостью трансформируются в кого угодно: жених с невестой, палач с жертвой...

– Всё наладится, – сказал инспектор Фрейрен. Он был опытным специалистом, за его плечами маячил не один разговор с родителями таких вот Регин. – Все, что вы сейчас придумываете, госпожа ван Фрассен, все, чем пугаете себя – ерунда. Нелепость. Я бы посоветовал вам гордиться.

Анна-Мария кивнула:

– Я горжусь.

Только сейчас она поняла, что испугало ее в лице дочери. Крылья носа Регины покрывала сложная татуировка. Надо сказать, девочку это не портило.

– Хорошенькая... – невпопад умилилась заведующая.

КОНТРАПУНКТ

РЕГИНА ВАН ФРАССЕН ПО ПРОЗВИЩУ ХИМЕРА

(из дневников)

«Он читает мои мысли! – вздрагиваешь ты, видя татуировку на носу собеседника. – Он знает мои тайны! Роется в грязном белье, вытаскивает скелеты из шкафов, лезет в тайники...»

Но если спросить, что это значит – читать твои мысли – каждый ответит по-разному. Ты полагаешь, что твои мысли – текст, подобный книге. Твоя жена убеждена, что мыслит картинками, достойными отдельной галереи в Национальном музее живописи. Ваша дочь считает, что ее мысли – страсти и чувства. Твой отец видит свою личность, как болтуна с длинным языком, доносчика, который за его спиной взахлеб рассказывает следователю: кто, что, с кем и сколько раз.

Твой брат... друг... начальник... соседка, наконец.

Почтовый ящик могут взломать. Квартиру – ограбить. Подберут код к банковскому счету. Залезут в карман. Украдут идею. Но должно же быть в мире что-то, недоступное никому, кроме тебя? Запечатанное, закрытое на сто замков; твое и только. Кому они нужны, твои мысли? Куцые, примитивные, россыпь стекляшек, мнящих себя бриллиантами. И все-таки...

Телепат – это покушение на собственность.

А значит, на миропорядок.

Глава вторая Зоопарк отменяется

I

- Ух ты! Это лес?
- Нет, это под водой. Кораллы и всякие... Забыла, как называются.
- Красиво...
- Ага. Я такие на Террафиме видела. На морской экскурсии.
- Класс!

Странное дело: Регина совсем не завидовала Линде. Ну ни капельки! Честно-честно. А всё потому, что Линда не задавалась. Да, ей почти шесть лет. И ведь не хвастается! Просто рассказывает интересное. Про варварскую планету Террафиму, где работают ее папа с мамой. Про инорасцев, которые там живут, и почти как люди. Про экскурсию.

Много про что.

А еще Линда здорово рисовала. Она могла рисовать и рассказывать одновременно. И не сердилась, когда Регина заглядывала ей через плечо. Сама Регина точно бы рассердилась! Вот Линда тычет кисточкой в один цвет-сектор на палитре, в другой, в третий. Кисточка становится трехцветной. Высунув язык от усердия, Линда крутит настройку. Красная, желтая и зеленая полосочки сплетаются «косичкой». «Косичка» похожа на фруктовую конфету «Угадай-ка!». Такую конфету надо лизать с разных сторон и угадывать: у какого цвета какой вкус. Выставив толщину кисточки, Линда погружает ее в куб из прозрачного «желе». Здесь она рисует подводный лес. Сперва кисточка выключена, и следа в «желе» не остается. Добравшись до песчаного дна – оно уже нарисовано – новая подруга Регины включает кисточку и тянет ее вверх, ловко проворачивая в пальцах. Из дна вырастает новый красивый коралл.

Теперь добавить боковые веточки...

У Регины так не получается. У нее выходит размазня, похожая на кашу из радуги. Сперва Регина расстроилась, но потом нарисовала размазне два круглых глаза и заставила их моргать. Получилось очень смешно! Линда глянула, и на нее сразу напал хохотунчик. Они так хихикали, что у Регины живот заболел. С Линдой весело. Она всё-всё тут знает: за полгода выучила. Хорошо, что Регину с ней в комнате поселили! Теперь Регина здесь будет жить. Так сказали мама и дядя Фердинанд, тутошний воспитатель.

А еще сегодня прилетит папа...

- Твой папа – капитан?
- Ага! Он сегодня прилетит!
- Я знаю.
- Откуда?!
- Ты об этом очень громко подумала! – смеется Линда, и Регина тоже смеется.
- А твои папа с мамой за тобой прилетят?
- Через две недели. Они мне письмо прислали.

Тут Регине наконец стало завидно. Линде письмо прислали, как взрослой! А Регине никто еще не присылал писем. Надо папу попросить, чтоб он ей тоже написал. Потом, когда на свой корабль вернется. Папа, конечно, может и здесь, на Ларгитасе, ей письмо отправить. И мама может. Только это будет понарошку: зачем письма, если ты близко? А вот письмо с другого края Галактики, через гиперсвязь – это да!

Регина подошла к окну и стала елозить пальцем по стеклу, меняя прозрачность. Если сказать словами, окно послушается. Оно и пульта слушается. Но пальцем – интереснее! Вот

«иней». Вот «роса». Вот «туман». А вот «невидимка» – тебя снаружи не видно, а ты всё видишь...

Так лучше всего.

По спортплощадке слонялся дылда в шортах. Дылду звали Клод. Линда сказала, что ему целых пятнадцать лет! Покрасил шевелюру «апельсинчиком», и никто не запрещает, не ругается... Клод лениво стучал мячом по упругому покрытию площадки. Стукнет пару раз, поймает – и стоит, смотрит. Куда? – загадка. А то бросит мяч в кольцо, поймает – и снова стоит. Или бродит нога за ногу...

– Лин, сейчас каникулы?

– Ну да.

– Всех старших домой забрали?

– Ага.

– А Клод почему остался?

– Не знаешь? Ну да, ты новенькая. От Клода родители отказались.

– Как – отказались?!

Регина решила, что ослышалась. А может, Линда пошутила? Но Линда стала грустной-грустной, и Регина тоже стала грустной-грустной. Даже слезы набежали.

– Ну, я точно не знаю... Сказали, им такой сын не нужен.

– Как это – «не нужен»?! Какой – такой?

– Ну, такой, как мы. Интернатский.

Дядя Фердинанд говорил Регине, что «Лебедь» – особенный интернат. Для особенных детей. И она, Регина, тоже особенная. Только пусть не зазнается. Особенный – не значит лучше. Просто другой. Ей надо многому научиться. А вот чему... Дядя Фердинанд об этом тоже говорил, но Регина забыла. Может, Клод зазнался? Плохо учился?

И поэтому папа с мамой от него отказались?

Регина попыталась представить, как это может быть. Как *ее* мама и папа от нее отказываются. Не хотят с ней разговаривать. Отворачиваются. Не дарят игрушек. Не пускают ее домой. И она остается совсем-совсем одна в интернате. Бродит по площадке, как Клод, бросает в кольцо дурацкий мячик. Смотрит в никуда. Долго-долго...

Она едва не расплакалась. Но вовремя вспомнила, что мама была у нее вчера, а сегодня прилетает папа. Он обещал повести ее в зоопарк – посмотреть на химерок и голубых шиншилл! А к Клоду никто не прилетит. Никто не поведет его в зоопарк. Не купит ему мороженое... Регине стало очень-очень жалко Клода. Даже если он зазнавался и плохо учился – это неправильно! Ей захотелось сказать взрослому парню что-нибудь хорошее. Чтобы он перестал грустить и улыбнулся. Или подарить что-нибудь.

Только Регина не знала – что.

Клод внезапно повернулся и уставился на Регину. Девочка знала: он не может ее видеть. Окно снаружи непрозрачное. Она нарочно так сделала. Но Клод смотрел, будто всё видел. А потом бросился прочь, словно за ним, щелкая клыками, гналась дикая химера. Регина проводила его взглядом, вздохнула и решила, что никогда-никогда не станет зазнаваться! И учиться будет лучше всех. И вообще, у нее самые лучшие в мире папа и мама. Они от нее ни за что не откажутся!

Мелодичный перелив клавинолы накрыл комнату.

– Младшая группа приглашается в четвертую комнату на первом этаже, – сообщила информателла таким таинственным голосом, что Регине сразу захотелось бежать в четвертую комнату. – Занятия начнутся через пять минут. Если вы не знаете дорогу, громко скажите: «Галочка-выручалочка, отведи меня куда надо!» Перед вами возникнет зеленая птичка-указатель. Идите за ней. Повторяю: младшая группа...

«Ну вот, – подумала Регина, – в садике я была в средней группе. А тут – снова в младшей.» Она совсем уж собралась обидеться, но передумала.

– Давай «галочку» вызовем? – заговорщицким шепотом предложила Линда.

– А ты разве дороги не знаешь?

– Знаю. Но с «галочкой» интересней!

II

А потом была физкультура. Воспитатель дядя Руди со смешной фамилией Физрук всё время повторял: дети, не ленитесь! Наклоняться – до земли. Приседать – тоже до земли. Когда стали прыгать, Регина ждала, что Физрук скажет: «До неба!» Нет, промолчал. Приседания и наклоны Регина не любила, но честно старалась. Она ведь сама себе обещала, что будет учиться лучше всех. Интересно, физкультура – это тоже «учиться»? Надо спросить у кого-нибудь. Только не у дяди Руди, он строгий.

Лучше у дяди Фердинанда.

Наприседавшись, они бегали в лабиринте. Это было здорово. Если б еще похожий на кузнечика Лайош не толкался, пытаясь всех обогнать. Но у него не получалось: лабиринт был узкий, и Лайош только всем мешал. Наконец он нашел хитрый поворот и с криком: «Я первый!» – нырнул туда. В итоге дурачина Лайош выбрался из лабиринта последним. Потому что заблудился и долго кружил по коридорчикам.

Все запыхались и покраснелись. Дядя Руди стал учить, как правильно дышать, чтоб не запыхиваться. Поначалу ни у кого не получалось, а когда стало чуточку получаться, в небе загудело. С присвистом.

– Всестихийник! – закричал маленький Карл.

Он и правда был маленький – ниже Регины. За это его дразнили «Карликом», и Карл обижался.

– Сюда летит!

– Садится!

Одна Регина ничего не кричала. Она сразу поняла, что это прилетел папа!

Оливковая капля рухнула с неба, стремительно увеличиваясь в размерах. На миг она зависла над площадкой перед воротами – и плавно, как пушинка, опустилась на приемное покрытие. Двигун всестихийника в последний раз свистнул – и умолк. Скользнула вверх, скрывшись в корпусе, пилотская дверь. И на землю легко спрыгнул молодцеватый офицер в парадной форме корвет-капитана ВКС Ларгитаса.

– Папа!

Регина сорвалась с места и, напрочь забыв, как правильно дышать, вихрем помчалась к воротам. Физрук, не препятствуя, проводил ее одобрительным взглядом. Мысленно он поставил девочке «отлично» по бегу на средние дистанции. А беречь дыхание со временем научится. Малышня загалдела, и преподаватель, глянув на часы, махнул группе рукой: свободны!

Да что там малышня! Рядом, словно сбросив плащи-невидимки, образовалась неразлучная парочка заклятых подруг: биологичка Дорис и математичка Вивиан. Две соперницы за мужские сердца. Рыжее пламя против иссиня-черного водопада. Буря и натиск против ленивой грации. И ни дня – друг без друга, над чем недоумевали все, включая интернатского психолога.

Теодор ван Фрассен перебросился парой слов с охранником, который вышел к нему из павильона. Охранник кивнул, будто встретил старого знакомого – и отступил в сторону. Вот тут бравый корвет-капитан взял и наплевал на честь мундира, достоинство офицера, строевой шаг и прочую дребедень. Сорвав с головы фуражку, он взмахнул ею, как птица –

крылом, завопил на дикарский манер и на третьей космической скорости ринулся навстречу дочери.

Казалось, кое-кто сейчас сам пойдет на взлет не хуже всестихийника.

– Папа!

– Ри!

Подхватил, закружил, завертел! Регина визжала от восторга, пока папа не остановился. А там еще немножко повизжала, про запас. Прижалась к чисто выбритой, но всё равно чуточку колючей папиной щеке. Щека пахла одеколоном и... Космосом! А если бы кто-нибудь спросил девочку, как, по ее мнению, пахнет космос, она бы, не раздумывая, ответила: «Папой!»

– Да ты выросла тут без меня!

– Да! До неба!

– Как тебе в «Лебеде»? Нравится?

– Очень! У меня новая подруга, Линда! Мы с ней в одной комнате живем. Она веселая, и рисует лучше всех! Но я тоже научусь. Линда! Это мой папа!

Разумеется, Линда не заставила звать себя дважды.

– Здравствуйте...

– Привет, Линда! Я – папа Регины. Дядя Теодор, можно просто Тео.

– А я знаю! Вы капитан!

– Да ты всезнайка...

– А вы прямо из космоса прилетели?

– Прямым ходом! А знаете ли вы, девчонки, что я вам привез?

– Что?!

– А вот что!

Жестом записного фокусника капитан извлек из фуражки две открытки-голоролика. На одной «Громобой» входил в звездную систему, пересекая пояс астероидов. В лучах светила вокруг корабля, словно друзья хищных драгоценностей, сверкали острые обломки камней. Из-за края открытки выплывал бок планеты-гиганта, весь в охристых разводах. На другой, сколько хватало глаз, раскинулась лиловая туманность – разметанная давним взрывом, подсвеченная изнутри. Приглядевшись, на ее фоне можно было увидеть темный шарик – погасшую звезду-карлика.

– Ух ты!

Регина щелкнула ногтем по открытке, и картинка пришла в движение.

– Реальные съемки. С разведзондов. Одну тебе, Ри, другую – Линде.

– Мне?! Спасибо, дядя Тео!

– Пошли знакомиться с остальными?

– Пошли!

Вернув фуражку на ее законное место, капитан взял девочек за руки. Чистая, ничем не замутненная радость окутала его, как сияющее облако. Радость искрилась пузырьками яблочного сидра, кружила голову и толкала на веселые безумства, от которых ван Фрассен с трудом удерживался.

«Сюда бы Анну-Марию! Вот оно, счастье! И без всякой ценольбологии. Ничего, наша графиня обещала к вечеру освободиться...»

– Папа, а мы полетим в зоопарк? Ты обещал!

III

Теодор ван Фрассен нашел Фердинанда Гюйса в столовой. Гюйс сидел за угловым столиком на учительской половине, задумавшись над выбором: шницель «экзотик» в имбирном

кляре – или курица под ягодным соусом. В тот момент, когда чаши весов стали склоняться в пользу шницеля, над ухом, разрушая очарование момента, прозвучал сухой, привыкший командовать голос капитана:

– Я забираю дочку до вечера.

– Исключено, – ответил Гюйс раньше, чем понял, что краткость не всегда является матерью взаимопонимания, как бы ни доказывали это философы древности.

Капитан нахмурился.

– Вы не поняли, кавалер. Я обещал дочери повести ее в зоопарк. Мой всестихийник стоит на площадке. К вечеру мы вернемся. Преподаватель физкультуры сказал, что я должен переговорить с вами. Какие проблемы?

– Я не кавалер. Я барон синцименики.

– Синцименика?

– Наука о сосуществовании. Впрочем, оставим титулы. Извините, господин ван Фрассен. Мне искренне жаль, но ваша дочь не может покинуть территорию интерната. Во всяком случае, в ближайшее время.

– Почему?

– Таковы правила.

– Регина под арестом?

– Вы преувеличиваете. Садитесь, прошу вас.

Сесть капитан не спешил. Торчал столбом возле стола, разглядывал Гюйса, словно тот был диковинным музейным экспонатом. Белый мундир, орденские планки. Сокол на кокарде. Вызов в глазах. «Вставайте, барон Гюйс!» – читалось во взгляде ван Фрассена. Гюйс вздохнул украдкой. Нет, мы не поддадимся на провокацию. Мы не встанем. Иначе мы окажемся выше задиристого капитана на целую голову.

И это сразу обострит ситуацию.

В свою бытность на Сякко, еще надеясь получить диплом и уже догадываясь, что это – мираж, Фердинанд Гюйс много времени посвящал самокопанию. Изучал собственные комплексы, клал привычки под микроскоп, препарировал склонности... Куратор, старый хитрец Тераучи Оэ, который год убеждающий всех, что его заветная мечта – покой и трубочка с вишневым табаком, поощрял такое рвение. Старик давно понял, что скоро расстанется с учеником. Пожалуй, с первого семестра. Просто не спешил резать по живому, ждал, пока Гюйс сам вынесет себе приговор – еще один урок, прежде чем потерять друг друга из виду...

Самой неприятной из истин, добытых Гюйсом, было ясное, как рассвет над озером Курахара, осознание: да, я боюсь мужчин, подобных капитану ван Фрассену. И не потому, что он, пожалуй, способен закрутить пируэт-сальто лучше меня. Не потому, что в честной драке он сломает мне шею. Может быть, мое сальто лучше, и двигательные центры капитана, плюнув на честность, я захвачу быстрее, чем он – мою драгоценную шею. Всё это ерунда. Павлиний хвост. Правда куда примитивней – боюсь, и рациональных причин для страха нет, и со страхом надо жить.

Он так привык жить с этим страхом, что они стали друзьями.

– Садитесь, капитан, – повторил Гюйс, вольным обращением, жестом и интонацией сокращая дистанцию между собой и отцом Регины. Он рисковал, но полагал это здоровой необходимостью. – Я должен кое-что вам объяснить. Не возражаете, если я закажу шницель? Я очень голоден.

– Заказывайте, – ван Фрассен сел напротив.

В лице его сохранялось напряжение.

– Хотите есть?

– Нет.

– Пить?

– Вишневый сок.

– Хорошо.

Они перебрасывались скухими репликами, как жонглеры – кольцами. В отдалении трепетала дробь барабанов: смертельный номер! Слабонервных просим удалиться! Гюйс улыбнулся, стараясь, чтобы капитан увидел в этом знак расположения. Богатое воображение – беда, право слово... Набрав на меню-панели код заказа, он дождался, пока в боксе доставщика объявится дымящийся шницель и стакан с соком, откуда предупредительно торчала соломинка. Беседы с родителями не были для Гюйса в новинку. И всё равно каждый раз он готовился к разговору заново. Помнится, папаша Рональда Хайне, краснорожий здоровила, кинулся в драку...

Пришлось обездвигнуть.

Нападение зафиксировал видео-блок. Хайне-старший, жаждущий судебного разбирательства, скис при виде интернатского адвоката.

– Я жду, – напомнил капитан, беря стакан.

– Скажите, – начал Гюйс, – вы в курсе, что значит слово «телепат»?

– За кого вы меня держите?!

– И все-таки я хотел бы, чтобы вы ответили.

– «Теле» – дальность. Действие на расстоянии. Телепат – человек, читающий мысли на расстоянии. Вы удовлетворены?

– Нет. Но об этом позже. Что значит слово «эмпат»?

– Человек, воспринимающий чужие эмоции.

Капитан мало-помалу закипал.

– И последнее: что значит «психопат»?

– Ждете, что я оскорблю вас? Скажу, что психопат – это вы? Не дождетесь. Психопат – человек с патологией психики. Теперь мы можем вернуться к моей дочери?

– Да. Именно теперь – можем, и должны. Вы не ошиблись, капитан. «Пат» – патология. Вы из трех раз лишь единожды применили это верным образом. Эмпат – человек с чувственно-эмоциональной патологией. Телепат – человек с информационно-трансляционной патологией.

– К чему вы клоните?

– Вы уже поняли, к чему. Патология, капитан. Предмет этой науки – болезнь. Ее причины, закономерности развития, течение и исход. К примеру, у меня и в учетной карточке, и в удостоверении личности записано: «телепат». Это значит, что я неизлечимо болен.

Гюйс лгал. Собственно, он лгал во второй раз: сначала – попрыгунье Агнессе, когда отрекомендовался *телепактом*, и вот теперь – ван Фрассену. На деле в его удостоверении стояло: «синпат». Но вдаваться в классификационные тонкости при капитане? Нет, ни к чему. Еще решит, что собеседник из вредности хочет его запутать.

– Вы хотите сказать, что Регина больна?

От волнения рука капитана дрогнула. Льдинки прозвенели, шевельнувшись в темно-красной глубине. Ван Фрассен смутился, как если бы невпопад ударил в колокол. Уже лучше, отметил Гюйс. Враждебность уходит. На всякий случай он укрепил пси-блок, хотя в этом не было нужды. Если доблестный корвет-капитан решит, что Гюйс тайком копается у него в мозгах – беседа закончится скандалом в кабинете директора.

– Да. Она больна, как я. Как другие учащиеся «Лебеда». Как знаменитый режиссер Монтелье. Как Белла Кнаух, офицер-координатор истребителя «Ловкач», без которой ВКС Ларгитаса проиграли бы битву при Траббане. Как жертвы погромов на Мондонге и Тире, где по ложному обвинению было вырезано больше семидесяти несчастных – таких, как я и ваша дочь. Плюс три сотни членов их семей.

– Что же делать? – тихо спросил капитан.

– Вот теперь вы начинаете понимать меня, – шницель остыл, но Гюйс не спешил приниматься за еду. Пауза играла против него. Зато вид еды на столе способствовал переводу беседы в мирное русло. – Добавлю, что талант – тоже патология. Отклонение от нормы. Регине надо научиться жить со своим талантом. Уживаться с ним без лишних проблем. И заново адаптироваться к обществу, состоящему из миллиардов норм. Вспомните, что младенцем она без стеснения ходила под себя. Вы сперва приобретали для дочери подгузники-утилизаторы, но мало-помалу приучили ее к туалету. Сейчас она чудесно обходится без подгузников. Я прав?

– Не знаю.

– Чего именно вы не знаете? – изумился Гюйс.

На миг пришло видение: Регина до сих пор носит подгузники.

– Я редко бываю дома, – пояснил ван Фрассен. – Служба ревнива. Наверное, я плохой отец. Я мало что знаю о ежедневных детских мелочах. Мы играли, это да. Я возил ее в Парк Сказок. На природу. В санаторий, к морю. Но подгузники... Когда она впервые попросилась на горшок, я был на маневрах. Или перегонял «Громобой» к новому месту дислокации. Как мне сказать ей, что мы не поедem в зоопарк?

Гюйс пододвинул шницель и отрезал кусочек. Гневный вояка превратился в удрученного отца, и это было неожиданно. Если ты настроился на долгую и продолжительную схватку... Он не сделает карьеры, думал Гюйс. Слишком тонкая натура.

– Я помогу вам. Регине надо привыкать к тому, что в ее жизнь вторглась уйма ограничений. Чем раньше она смирится, тем лучше. Вернее, безопасней. Вам еще очень повезло. Инцидент в детском саду мог закончиться трагедией.

– Трагедия? – вояка вернулся и прищурился с насмешкой. – Вы преувеличиваете.

– Ничуть.

– Она – ребенок!

– И тем не менее. Я бы мог рассказать вам, чем кончаются такие детские шалости. Но это займет слишком много времени.

– А вы покажите, – предложил капитан.

– В каком смысле?

– Вы же телепат. Создайте образ негативных последствий и транслируйте его мне прямо в голову. Это получится быстрее?

– Гораздо. Но мне требуется ваше разрешение.

– Письменное? Я готов.

– Достаточно устного. Наш разговор фиксируется. Не обижайтесь, весь интернат на контроле. Собранный материал используется при «разборе полетов». Общение с родителями – не самая бесконфликтная часть нашей работы. Итак, вы согласны?

– Да.

IV

Роттенбургская служба новостей:

«Трагедией закончился день в детском саду „Солнышко“. В результате захвата средней группы воспитанников телепатом-подавителем Региной ван Фрассен шестеро детей госпитализировано с нарушениями психики разной степени тяжести. Еще двое находятся в реабилитационном медцентре № 12 в состоянии крайнего физического истощения. Врачи говорят, что их жизнь вне опасности, хотя в обоих случаях возникла необходимость питательной капсуляции. К сожалению, мы не можем сказать ничего утешительного о тех несчастных, которые проходят курс лечения в пси-реанимации. По неподтвержденным сведениям, один

из них, а именно Николас Зоммерфельд, сын советника Зоммерфельда, введен в состояние медикаментозной комы.

Завтра на Окружном кладбище состоятся похороны Элизы Солингер, воспитательницы „Солнышка“. Не сумев вовремя опознать захват, Солингер вопреки инструкциям вмешалась в „черную свадьбу“, как успели прозвать инцидент в Роттенбурге. Итогом действий воспитательницы стал конфликтный кризис ситуации. Для покойной госпожи Солингер, согласно заключению экспертов, это привело к острому инфаркту головного мозга с кровоизлиянием в зону инфаркта и желудочки мозга.

Графиня ван Фрассен утверждает, что ранее не наблюдала у дочери способностей...»

Репортаж с места происшествия на гиперканале «Интер»:

Из ворот детского сада выводят измученных детей. Дети улыбаются. Временами они начинают танцевать. Гертруда Шпильман, толстая девочка с косой до пояса, оживленно рассказывает о чем-то матери. На лице матери – ужас. Идущий за ними Фердинанд Гюйс несет на руках Николаса Зоммерфельда. Мальчик без сознания. По лицу Гюйса текут крупные капли пота. Видно, что причиной тому – не тяжесть ребенка. Временами губы мужчины шевелятся, словно он шепчет слова утешения. Мальчик на его руках вздрагивает, как от удара тока, но в сознание не приходит.

«Как уверяет нас Якоб Трессау, маркиз пси-хирургии, – сообщает репортер новостной группы, – предварительный осмотр позволяет констатировать наличие у двоих детей личностной злокачественной опухоли. Нам повезло, говорит Трессау, что диагноз вынесен на ранней стадии заболевания. Опухоли такого рода вполне операбельны, в особенности у детей. Метастазы, которые они дают в сектора базовой личности...»

«У тебя нет сестры!» – кричит мать Гертруды Шпильман. У женщины начинается истерика. Она хватается дочь за руку, не сдержавшись, бьет по лицу. «Нет! Нет! Никакой двоюродной сестры! Никакой свадьбы! Очнись!» Гертруда улыбается. На насилие она не реагирует. «Что ты, мама... ты просто забыла... мы женились на корабле, я держала ей фату...» Мать уводят подросшие медики, делая ей по дороге инъекцию успокоительного. Один из врачей остается с девочкой. «Я держала фату, – повторяет девочка. – Я взрослая. Я очень-очень взрослая.» Врач кивает, не споря. «Это просто мама забыла, – извиняющимся тоном добавляет девочка. – Она у меня вечно что-то забывает. А я всё помню... я вот ни на столечко не забываю...»

Улыбка Гертруды похожа на гримасу боли.

Отчет Якоба Трессау, маркиза пси-хирургии:

«...личностная опухоль Гертруды Шпильман показала инфильтрирующий рост. Зафиксирован пронизывающий эффект синапт-мембран и метастазирование ближайших воспоминаний. Захват псевдо-личностью пограничных областей психики больной развивается скачкообразно. Продукты распада ложных реалий приводят к интоксикации базовой личности. Некроз в центре опухоли не позволяет нам медлить с проведением операции. Прошу разрешения, заверенного родителями больной...»

Докладная записка инспектора Фрейрена:

«К сожалению, служба Т-безопасности вынуждена отказать семье ван Фрассен в просьбе вернуть ребенка домой – и продолжить содержание их дочери под строгим карантинном. Процесс первичного захвата, купированный ненадлежащим образом, привел к опасным последствиям. Подобно тому, как хватательный рефлекс побуждает младенца сжимать кулачок, телепатические способности Регины ван Фрассен побуждают ее к неосознанному спонтанному подавлению психики окружающих. При первом же конфликте, имеющем место или

вымышленном, девочка оказывает давление на сознание конфликтующего. При этом индекс виктимности захваченного растет с угрожающей быстротой, превращая человека в потенциальную жертву.

Попытки вернуть ситуацию в естественное русло, чтобы перейти к Т-обучению, успехом не увенчались. Держать Регину ван Фрассен на „Нейраме-4“, подавляя кси-ритмы мозга, можно лишь в рамках обычного срока. Иначе мы рискуем довести ребенка до каталепсии...»

V

– «Нейрам-4»? – спросил Теодор ван Фрассен. – Что это?

С Нейрамом у капитана возникла всего одна, очень странная ассоциация. Так звали лидер-антиса расы вехденов – с точки зрения граждан Ларгитаса, муравьев в человеческом обличье. Нейрам Саманган, существо, способное переходить из материальной в волновую форму. Какое отношение имеет антис к Регине?

– Это не то, что вы думаете.

Поймав нервный взгляд капитана, Гюйс обругал себя за двусмысленность фразы. И заторопился, желая успеть, прежде чем собеседник закроется, огородится конфликтом, как крепостной стеной:

– Я не читал ваших мыслей. Прошу прощения за неудачный оборот речи. «Нейрам» – кси-контроллер четвертого поколения. Вы наверняка слышали – его применяют к телепат-преступникам по вынесению приговора...

– Опять неудачный оборот речи? – мрачно поинтересовался капитан.

Сейчас он даст мне в морду, понял Гюйс. И ошибся. Сам того не предполагая, он расположил ван Фрассена к себе. В юности, стесняясь маленького роста, капитан до икоты завидовал таким высоченным красавцам, как этот телепат. Даже борьбой пошел заниматься, чтобы при случае показывать: кто в доме хозяин. Борьба быстро отошла на второй план, уступив место бадминтону, но это неважно. Зная за собой давний комплекс, Теодор ван Фрассен при виде мужчин, подобных Гюйсу, с крайней осторожностью давал волю чувствам. А вдруг комплекс врёт? Вдруг предвзятость рождает агрессию? Когда десять минут назад капитан давил на Гюйса, он скорее играл роль разъяренного отца, чем и впрямь негодовал.

И волновался, что телепат быстро раскусит игру.

Серия эпизодов, транслированных Гюйсом в его мозг, лучше всякого объяснения убедила капитана: в «Лебеде» знают, как уберечь дочь от невпадения проснувшегося дара. Флотская дисциплина тоже подсказывала, что глупо бодаться со стеной. Телепат не врал, демонстрируя, что могло бы быть, но к счастью, обошло Регину стороной. Он, пожалуй, даже не преувеличивал. Между эпизодами имелись зазоры, куда ринулась фантазия ван Фрассена. Капитан с легкостью дорисовывал еще с десяток трагических последствий, одно хуже другого – и решил не усердствовать в самоедстве.

Минуло, и возблагодарим судьбу.

– «Нейрам» прошлых поколений срезал пики у кси-ритмов мозга. Это исключает возможность эмпатической и телепатической активности. К сожалению, «Нейрам» угнетает интранейрональный метаболизм... Не буду мучить вас терминологией, капитан. Если приговор обрекает телепата на имплантацию «Нейрама-2», это не назовешь: «отделался легким испугом». Сейчас вы скажете, что ваша дочь – не преступница, что держать ее на «Нейраме» бесчеловечно. Даже не стану спорить. Скажу лишь, что контроллер 4-го поколения – практически безопасен...

Гюйс говорил, не давая ван Фрассену вставить и слово. По памяти зачитал инструкцию к «Нейраму-4». Объяснил, что имплантация контроллера в височную кость – безболезненна и безопасна. Что аппарат насильственно подавляет кси-ритм только в экстрим-ситуации,

когда пики демонстрируют активное телепатическое действие. В остальное время «Нейрам-4» просто сглаживает опасные моменты, подобно тому, как инъекция успокоительного снимает стресс. Гюйс говорил, говорил...

– Это для постоянного ношения? – перебил его капитан.

– Нет, что вы! Довольно скоро вы сможете взять дочь в зоопарк. Или домой, на выходные. Пройдет время, и вы даже полетите с ней в отпуск. Вот тогда и пригодится «Нейрам-4», как гарантия безопасности. Ношение до трех недель не причиняет вреда носителю. Замечу, что попытка извлечь контроллер самостоятельно чревата коматозным состоянием. Зато наши специалисты и установят, и снимут аппарат без малейших негативных последствий.

– И так всю жизнь?

Гюйс рассмеялся:

– Нет. Только в детстве, когда нельзя дать гарантию безопасности окружающих от ребенка-телепата. В программе обучения есть курс социальной адаптации. Собственно, я и читаю этот курс. Все выпускники «Лебеда», прежде чем получить аттестат, сдают зачет. В личном деле ставится пометка: «Социально адаптирован». После этого имплантировать им «Нейрам» можно лишь по решению суда.

– Закажите мне еще сока, – попросил капитан.

Взяв стакан, он залпом выпил половину.

– Не надо сообщать об этом матери Регины. Во всяком случае, сейчас. Это реально?

– Конечно, – согласился Гюйс. – Считайте, что у нас был чисто мужской разговор.

Капитан встал:

– Я пойду. Извините, если был груб. Как-нибудь выкручусь с зоопарком. Я видел девочку, с которой поселили Регину. Славная девочка. Я бы не сделал лучшего выбора. Она как солнышко. Рядом с ней тепло.

– Линда Гоффер, активный эмпат. Очень высокая мощь. И золотой характер. У нее «дырчатый» блок, часть эмоций прорывается наружу, – Гюйс умолчал, что это он велел поселить Регину к Линде, рассчитывая на «теплый» фон. – С годами научится контролировать по всему периметру. Нарастит скорлупу...

– Ну и жаль, – вздохнул ван Фрассен. – Всего доброго.

– До свидания. Если возникнут вопросы – обращайтесь без стеснения.

И Гюйс вернулся к давно остывшему шницелю.

VI

Регина сидела на задней парте и дулась. Даже то, что сидит она в самом настоящем классе, как самая настоящая школьница, ее не радовало. Grimасы взрослой жизни оказались скучнее гримас клоуна в цирке. Еще недавно ты спешила вырасти, чуть ли не за уши себя тянула, чтобы ходить в школу, а сегодня мечта сбылась – и что? Ничего особенного. Подумаешь, парты! Ничем не лучше «сучалок» в садике. Только спинки на три такта регулируются. И голосфера из хитрой штучки выскакивает. Сенсоры пупырышками... А это что? Ух ты! Можно менять цвет парты! И наклон...

Увлечшись, Регина забыла, что дует. Жаль, конечно, что ее не отпустили в зоопарк. Но папа обещал подарить ей кристалл «Чудеса природы». Интерактивная экскурсия по шести лучшим зоопаркам Галактики! Два – морских: «Акулы-убийцы Кемчуги» и «Терракотная бездна». А вечером папа прилетит еще раз, вместе с мамой!

– ...заходи, Клод.

В дверь боком протиснулся знакомый дылда в шортах. Кажется, парень не вполне понимал, зачем Гюйс его позвал.

– Если кто еще не знает, это Клод Лешуа. Он учится в «Лебеде» семь лет, и лично я доволен его успехами. Сейчас я доверю Клоду ответственное задание. Он расскажет вам – о вас. О нас. О таких, как мы. Регина, перестань, пожалуйста, играть с настройками. Клод будет говорить о важных вещах. Их надо знать. Карл? Линда? Лайош? Да, я в курсе, вы уже это слышали. Но вам придется слушать одно и то же много раз, чтобы лучше запомнилось. Клод! Ты помнишь первые занятия по социальной адаптации?

– Ну...

– Забыл, что ли?

– Ничего я не забыл...

Клод вытащил руки из карманов шорт – и уставился на собственные ладони, не зная, куда их деть. Кто-то из детей хихикнул. Гюйс сам еле сдержал улыбку.

– Сможешь провести вступительную лекцию?

– Ну...

Слово «лекция» ввергло Клода в ступор.

– Это означает да или нет?

– Я попробую, учитель Гюйс.

– Начинай. Если что, я помогу.

Гюйс ушел в конец класса, где и присел рядом с Региной. Это было необходимо. Чувствуя близкое присутствие взрослого – учителя! – девочка собралась и наострила уши. Клод же прошелся от двери к окну, заложив руки за спину. Он явно подражал кому-то из преподавателей.

Мне, сообразил Гюйс.

– Кто такие менталы? – без предисловий спросил Клод у детей.

Восемь заинтересованных взглядов уперлись в парня лучами прожекторов. Если дети и слышали это слово, значения его не знал никто.

– Ага, – с удовлетворением констатировал Клод. – Тупицы. Зеленые прыщики. Извините, учитель Гюйс. Я больше не буду. Так вот, менталы – это мы. «Лебедята». И наши учителя. Учитель Гюйс, например. Физрук Абель. Змея с Черепахой... Извините, учитель Гюйс. Я хотел сказать: учительница биологии Хейзинга и учительница математики Турман. Опять же директор, госпожа Хокман...

Парень быстро сообразил, что перечень всех менталов интерната займет полдня.

– Короче, менталы – это телепаты и эмпаты. А еще...

Клод запнулся.

Поймав взгляд парня, Гюйс еле заметно покачал головой. Не надо, мол. Рано. Ограничься сказанным. Змея и Черепаха, надо же... Гюйс знал этот анекдот – про речную переправу и женскую дружбу. И мог оценить точность прозвищ рыжей Дорис и брюнетки Вивиан. Даже по темпераменту сходится...

Переспав с обеими, Гюйс имел возможность сравнивать.

– Телепаты и эмпаты бывают разные. Но об этом позже. А пока: кто такой телепат?

Клод замер в ожидании ответа. Класс молчал, чуя подвох. «Телепат – человек с информационно-трансляционной патологией,» – сказал кто-то, похожий на капитана ван Фрассена, в мозгу Гюйса.

– Он мысли читает! – наконец пискнула Регина.

– В целом, правильно. Но есть телепаты, которые не только читают чужие мысли. Они еще и могут передавать свои. А кто такие эмпаты?

Линда ткнула пальцем в сигнальный сенсор. Над головой девочки вспыхнул изумрудный нимб.

– Да?

– Эмпаты чувствуют чужие чувства. И могут делиться своими.

– Какие чувства, например?

– Ну... когда весело... Радость, вот! Или когда грустно... еще страх...

– Очень хорошо.

От похвалы Линда расцвела. В класс словно ворвался запах цветущей сирени. Дети засмеялись, маленький Карл хлопнул в ладоши. Да и сам «учитель» Клод изменился – заблестели глаза, исчезла скованность движений. После урока скажу ему, напомнил себе Гюйс, что спортлагерь «Лиман» подтвердил путевку учащегося Лешуа. Выезд во вторник, с утра. Без сопровождения. Без «Нейрама-4». «Голяком», как шутят в интернате.

В лагере есть наш человек, он проконтролирует.

О том, что путевка – еще один тест на социальную адаптацию, он говорить Клоду не собирался. Как и о том, что в сотый раз отправил письмо семье Лешуа. Ненавижу фанатиков, подумал Гюйс. Если бы не устав их общины, если бы не упрямый, как бес, пастырь, когда-то пострадавший от телепатов и предавший «врагов» кромешной анафеме...

– А теперь подумайте, что получается... Вот эмпат испугался или загрустил. И все вокруг тоже стали бояться. Или грустить. Это хорошо или плохо?

– Плохо...

– Плохо! Я не люблю грустить...

– А мне бояться не нравится...

– Вот! Вам это не нравится. А другим людям? То-то же! Еще подумайте: вам понравится, если кто-то станет подслушивать ваши мысли?

– Нет!

– Нет!

– Пусть только попробует! Я ему ка-ак дам по лбу...

– Вот себе и дай! Ты вчера у меня в голове копался!

– Ничего я не копался...

– Копался! Я знаю!

– Ну, капельку... ты ж «Сказки Гуся» спрятала, а я не знал, куда...

Прыщики, подумал Гюйс. Зеленые. Клод прав. Неизвестно заранее, что за цветок «вылупится» из такого бутона. Зато я знаю точно, как из наивных, «малышастых» уроков по социо-адаптации вырастает университетский курс лекций по прикладной синцимении. На Хиззаце, в Академии имени его высочества Пур Талелы XVI, куда меня пригласили для участия в конференции, маститые академики пялились на мой татуированный нос – и заваливали вопросами, пытаясь найти брешь в ларгитасской адапт-системе.

В принципе, можно было свести татуировку на время пребывания в Академии. Это разрешено. Вне Ларгитаса мы не обязаны «светиться». Я так и не смог объяснить ученым мужам, что татуировка – не знак принадлежности к гетто. Скорее – знак касты, профессии; метка силы. Они не понимали. Они думали – клеймо.

Вот ведь дураки, а еще академики...

Нигде, говорили они, нигде в Ойкумене, кроме Ларгитаса и его колоний, телепат не обязан выделяться. Права человека, говорили они. Свобода, говорили они. Ценности демократии. И статуя Пур Талелы милостиво взирала на подданных с высоты постаментов, соглашаясь. Ваша система ограничений, якобы ведущая к счастью общества и индивидуума, говорили они. Ваша *наукратия*, помешанная на ученых титулах. Кавалер вместо адъютанта, барон вместо приват-доцента, виконт-доцент, герцог-профессор (ординарный профессор, поправлял их Гюйс); Совет королей физики и математики, политики и ноотехники, имеющих право вето на законы, принимаемые парламентом...

– Тихо, тихо! После урока разберетесь!

Гюйс уловил в голосе Клода собственные интонации. Парень вошел в роль. Это хорошо. Умение сохранять «инфо-слежки», чтобы «одевать» личностный «манекен» – один

из козырей Леуша. Ему бы еще индивидуальность подразвить... Опасность, вечно подстерегающая *телепасса*: слишком легко делать чужое – своим.

Волосы покрасил, придурок.

– Вот видите: чуть что, сразу в лоб, – Клод выдержал паузу, чтоб дошло до каждого. – Поэтому нам всем нужно держать блок. Кто знает, что такое блок?

Зеленый нимб вспыхнул над головой Лайоша:

– Это защита. Как броня у генерала Ойкумены.

– А зачем нам броня?

– Чтоб мысли из головы не вылетали.

– В целом, верно. Но защиту надо ставить в двух направлениях: наружу и внутрь.

– И эмпатам тоже?

– И эмпатам. Кто скажет, зачем?

Молодец парень, подумал Гюйс. Раскручивает детей на вопросы. Заставляет думать, отвечать, вертеть соображалкой. Из него выйдет толковый учитель... Впрочем, не стоит бежать впереди звездолета.

– Чтоб чужой страх не залетал!

– И эти... Эмоции!

– Эмоции. Просто одним больше нужно защищаться изнутри, а другим – снаружи. Потому что все – разные. С разными способностями.

Гюйс уловил легкое касание, исходившее от Клода. В нем крылся вопрос: продолжать? Классификацию, да? Не усложняй, ответил Гюйс. В дебри не лезь. *Исходящие* до сих пор даются парню с трудом, отметил он. Плохой контроль моторики при посыле. Все силы и внимание уходят на само действие.

Погоняем на факультативе.

– Телепаты и эмпаты бывают активные и пассивные. Пассивные считывают чужие мысли или чувства. Активные – передают свои. Вы уже знаете, кто из вас – кто?

– Карлик – пассивный!

– Сам ты карлик! Я выше тебя вырасту!

– Это еще что? – нахмурил брови Клод. – Ты, малявка... Лайош, ты зачем его дразнишь? Рад, что вымахал, кузнечик? Ты у меня допрыгаешься!..

Лайош сгорбился, вжавшись в парту. «Ой! Сейчас как даст по шее!» – явственно читалось в позе «кузнечика» и без помощи телепатии.

– А у меня папа тоже не высокий, – вдруг сказала Регина. – Зато он капитан! Целым корветом командует. Понял, Карл? А знаешь, как он в батутеннис играет? Лучше всех!

– Ага, – кивнул Карл. – Я тоже буду капитаном! А пассивным – не буду!

Едва оттаяв, он снова насупился.

– Ну, это не выбирают. Это от рождения. Как цвет волос...

Клод вспомнил, какого цвета его собственные кудри, и смутился.

– Клод прав. Наши способности – от рождения. Но пассивный телепат не хуже и не лучше активного, – пришел на выручку Гюйс, вставая. – Например, активный телепат не может так глубоко проникнуть в чужие мысли, как пассивный. То, что для телепакта – закрытая комната, телепасс читает, как запись в блокноте. А внешнее хватает слету! Сильному телепассу нужен мощный блок. Верно, Клод?

– Угу, – буркнул Клод Лешуа, телепасс с предельной глубиной проникновения.

В свое время, пока парня не научили блокироваться наглухо, он чуть не рехнулся. Чужая информация днем и ночью ворочалась в его мозгу. Призрачные голоса, зыбкие картины – лишая сна и разума, растаскивая личность, как мозаику, на кусочки. Клод тонул, задыхался, шел на дно. Родители, колонисты с Фараджа, полагали это бесовским искушением. И лечили постом, молитвами, бичеванием...

К счастью, «Лебедь» успел вовремя.

КОНТРАПУНКТ

РЕГИНА ВАН ФРАССЕН ПО ПРОЗВИЩУ ХИМЕРА

(из дневников)

Жестокость – изнанка обиды.

Ненависть – изнанка слабости.

Жалость – изнанка взгляда в зеркало.

Агрессия – тыл гордыни.

Теперь возьмем всё это – плюс многое другое – разделим на бумажные жребии, бросим в шляпу, встряхнем, хорошенько перемешаем и начнем тянуть билетки в другом порядке. Думаете, что-то изменится? Ничего подобного. От перемены мест слагаемых, даже если слагаются не числа, а чувства...

Банальность – изнанка мудрости.

Глава третья Флейта и нож

I

– Номер вашей машины? – спросил охранник.

– 174-НР-45, – ответил капитан ван Фрассен. – Всестихийник модели «Луч».

Охранник кивнул и подошел к сенсорной панели. Глубокий старик, он двигался медленно, с предельной осторожностью. Словно ждал, что с минуты на минуту в ржавом механизме его тела хрустнет и сломается какая-нибудь важная деталь. Кожа лица и рук, открытых до локтя, чуть-чуть мерцала в сумраке «дежурки» – число допустимых сеансов омоложения этот человек исчерпал. Один из тех, подумал капитан, кто не мыслит себя без работы. Охрана платной городской стоянки – синекура для трудолюбивых старцев. Здесь легко – и гораздо быстрее – справился бы автомат.

Но куда в таком случае девать ветеранов?

– Славная модель, – мосластые пальцы охранника с силой тыкались в сенсоры. Кажется, от напора зависит: дойдет вызов до машины или нет. – Хоть в космос скачи! А, кэпс? Охота в космос, да?

Далеко, в глубине углового ангара, проснулся автопилот капитанского всестихийника. Сейчас, подчиняясь команде, откроются ангарные двери. Еще минут пять, и машина, обработав запрос на маршрут, вырулит к выезду со стоянки. Можно немного поболтать со стариком. Скрасить время дежурства.

Фамильярное обращение «кэпс» кое-что подсказало ван Фрассену.

– Если честно, неохота.

– Командировка? Академия?

– Я в отпуске. Жена, дочь...

– Уважаю. Семья – это правильно. Это по-мужски.

– Неделью как прилетел. Еще и не виделись толком.

– Ничего, кэпс. Реже видят – крепче любят. Я-то знаю...

– Вы где служили?

Старик подбоченился:

– 2-я гвардейская штурмовая. Истребитель «Ловкач».

– Пилот?

– Канонир расчета плазматоров. Дослужился до корпорала.

– Битва при Траббане?

– Было дело...

«Завидуй, сопляк!» – читалось во взгляде охранника.

– Награждены?

– «Звезда Славы». И «Знак за ранение» золотой степени.

Капитан присвистнул. «Золото» давали за утрату конечности или потерю зрения.

– Подлатали, – ухмыльнулся старик. – В лазарете свое дело туго знают. Вырастили лапу, как новенькую. Повезло, что вообще живым вернулся. Сколько наших легло под Траббаном...

Он угрюмо хохотнул и поправился:

– *Над* Траббаном. Батарею сменить, кэпс?

– Не надо, спасибо, – отказался ван Фрассен. – У меня динамическая гематрица. До конца отпуска хватит.

Тень упала на лицо старика.

– Гематрица? Дрянь-липучка. Вот скажи мне, кэпс, как солдат солдату...

Капитан пожалел, что затеял этот разговор. Шесть гематриц – от пяти со скидкой – он приобрел на Лулле, в энергетическом супермаркете «Шарон и сын». Не слишком патристично, зато выгода налицо. На таком питании двигун «Луча» тянул, как зверь.

– Чья техника лучшая? Наша, ларгитасская. Чьих патентов в Ойкумене, как дерьма? Опять же наших. Звездолеты-вездеходы, клиники-заводы – везде мы впереди. Неокерамика, металлокварц; плексаноловое литье. Да хоть сушилку для волос возьми, или там маникюрный прибор... Наука! А где она, наука? – здесь, на Ларгитасе...

Охранник погрозил ван Фрассену пальцем.

– И спрошу я тебя, кэпс: доколе? Что же наши короли физики-химии себе думают? На чем наша чудо-техника ездит и летает? На гематрицах? На «гирляндах Шакры»? На вехденских аккумуляторах? Шестеренки, выходит, у нас свои, лучшие, а недолюди нам эти шестеренки крутят. Позор! Стыдоба...

– На своем тоже летаем, – вступился капитан за родину. – Термояд, кавитазмы... Установка Тора-Хаусмана. Вакууматор, наконец. Думаю, в самом скором времени...

Старик вздохнул.

– Вот и я так думал. В скором, значит, времени. Оглянулся: нет его больше, времени. Кончилось. Прошла жизнь. «Звезда Славы» есть, а жизни нет. Огарочек! – пыхтит, коптит... Думаешь, тебе подфартит? Доживешь? А пока, гори оно синим пламенем, на гематрице летаю. Пусть мне гематр, компьютер двуногий, из задницы энергию достает...

К воротам, сигналя, подъехал «Луч».

– Извините, тороплюсь, – соврал ван Фрассен. – В другой раз...

Забираясь в кабину, он спиной чувствовал осуждающий взгляд охранника. Казалось, никто иной, как корвет-капитан Теодор ван Фрассен лично виноват в том, что расы энергетов далеко обошли техноложцев – даже таких просвещенных, как ларгитассы – во всем, что касалось производства энергии. Это он, корвет-капитан, в далеком прошлом дал брамайнам и вехденам, вудунам и гематрам совет отказаться от возможностей науки, презреть мощь человеческого разума – и двинуться *животным* путем эволюции, выращивая способность организма к энергетизации, как звери холодных климатических зон отращивают длинную шерсть и мощный слой подкожного жира. Это он, виновник всего на свете, включая дрейф галактик, большинством голосов постановил на Совете Галактической Лиги считать всех обитателей Ойкумены равными в правах, независимо от гражданства, происхождения и взглядов на прогресс человечества.

Ну и ладно, подумал капитан. Буду виноватым.

Он велел машине закрыть дверь и погрузил руки в рабочую сферу управления, собираясь немедленно взлететь. Зеленый огонек вызова, вспыхнув на блоке коммуникатора, помешал взлету. Кто ищет разговора? Анна-Мария? Ван Фрассен договаривался с женой забрать ее от университета сразу после заседания кафедры, чтобы вдвоем отправиться в «Лебедь». Заседание еще не закончилось. Кто-то из интерната? Проблемы с дочерью?

Я становлюсь невротиком, обругал себя капитан.

– Кто? – спросил он, не спеша принять вызов.

– Вице-адмирал Рейнеке, – приятным голосом ответила информателла. – Дядя вашей жены. Соединить?

Прошлой зимой, в день, когда капитан-лейтенант ван Фрассен стал корвет-капитаном, Рейнеке Кровопийцу тоже повысили в звании, сменив адмиральскую приставку «контр» на «вице». Буквально через месяц новоиспеченный вице-адмирал сдал командование 3-й Локанской эскадрой преемнику – и отбыл на Ларгитас в качестве заместителя начальника академии Генерального штаба.

Эскадра приняла уход Рейнеке с облегчением. Что вдвойне удивительно, сам вице-адмирал был доволен. С возрастом он стал сентиментален, насколько сентименты вообще могут быть свойственны «военной косточке», отягченной скверным характером. Закоренелый холостяк, не имея детей, всю любовь, таившуюся в мохнатом сердце Кровопийцы, Фридрих Рейнеке отдал Анне-Марии, своей племяннице, а позже – маленькой Регине.

Отблеск этих чувств падал и на капитана ван Фрассена. Честно говоря, капитан не знал: радоваться ему или опасаться? Это блесит краешек солнца на закате – или зарево пожаров на горизонте?

Он тронул сенсор приема.

– Здравия желаю, господин вице-адмирал!

– Без чинов, мой мальчик, – зарокотал в кабине могучий бас адмирала. – Попросту, по-семейному. Я уже в курсе всего, что случилось с нашей дочерью...

Нашей, отметил ван Фрассен. Нашей, значит, дочерью.

– И вот что я тебе скажу, – в адмиральском басы прозвенела сталь.

II

Сегодня их учили такому, такому! Регина чуть не прыгала от нетерпения. Когда же приедут мама с папой?! Она должна им рассказать! Сегодня их учили ПИСАТЬ ОТ РУКИ! Это как читать, только наоборот. Нет, не задом наперед, а... Ну, когда читаешь, слова из голокнижки забираются к тебе в голову и начинают там жить. А когда пишешь – ты сама эти слова *делаешь*!

Регина и не знала, что так можно.

Она привыкла, что слова надо говорить. Уником или интакт-центр их записывает, а потом можно хоть слушать, хоть читать буквами. Можно еще отправить кому-нибудь. А мама умеет диктовать молча. Даже губами не шевелит. У нее эти... *голосительные связи* работают. Уником их чувствует и всё записывает, как если б мама вслух говорила. Регина, когда вырастет, тоже так научится. Это все взрослые умеют.

Но писать от руки – совсем другое дело!

Учитель Альбрехт походил на летний одуванчик: сам тоненький, как стебелёк, а голова большая, круглая и в белом пуху. Это потому что он совсем старенький. Линда сказала, ему сто четырнадцать лет! На стене в классе висел экран. Не голография, а настоящий, как в древности. Большущий – на всю стену! Только экран ничего не показывал. Учитель Альбрехт вытащил из кармана пиджака блестящую палочку, из нее выскочил зеленый лучик, и этим лучиком учитель быстро-быстро вывел на экране:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.